

КОМОНС III

ИГРА НА ЧУЖОМ ПОЛЕ

БОРИС БАТЫРШИН

Борис Борисович Батыршин

Комонс III. Игра на чужом поле

Серия «Комонс», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65165527

КОМОНС III. Игра на чужом поле:

Аннотация

История "комонса-попаданца" выходит на финальную прямую, только тянуться эта прямая будет не один миллиард километров.

Одна, взрослая часть его личности делает то, зачем она послана в самое логово Пришельцев-Десантников. Благо, там он действует не один, а в компании своей боевой подруги.

А его юный альтер эго тем временем всерьёз берётся за дело на Земле – здесь ещё остались Десантники-Пришельцы и их необходимо разыскать и зачистить. Задача поставлена предельно ясно: "новому Вторжению из космоса – не быть!" Но для этого придётся действовать новыми методами, найти и подготовить соратников, способных решать небывалые задачи. И уж конечно, их деятельность просто не может не отразиться на ходе истории, которая уже не будет прежней...

Тем временем в глубоком космосе творятся дела, способные повлиять то, что происходит на нашей маленькой планете. А уж

каким будет это влияние – благотворным или разрушительным – целиком зависит от наших героев.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	34
Глава третья	63
Глава четвёртая	81
Глава пятая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Борис Батыршин
Комонс III
Игра на чужом поле

© Борис Батыршин 2021

Глава первая

I

– Обэра? – Женька отыскал в паспорте запись о месте рождения. паспорта, нашёл графу «место рождения». Это что, город, посёлок?

– Городок, совсем маленький. – объяснил Хорхе. – Провинция провинции Мисьóнес, на границе с Бразилией. Население тысяч пятьдесят, выращивают чай и кукурузу на окрестных плантациях. В Обэре много выходцев из вашей страны – живут на отшибе, политические баталии, бурлящие по всей стране, их как бы и не касаются.

– Так и есть. – кивнул дядя Костя. – Они там сами по себе. Не знаю, как сейчас, а раньше парней из семей русских эмигрантов охотно брали и в президентскую гвардию и в парашотно-десантные войска. Элита...

– Сейчас то же самое. – подтвердил чилиец. – Потому мы и подготовили для наших юных друзей такие документы. Если спросят, почему уехали из дому – отвечайте, что хотите посмотреть страну, а потом – в армию.

Женька вздохнул и запихал «аусвайс» поглубже в карман. Что он раньше знал об Аргентине? Танго, заметки в газе-

тах о военных переворотах и генералах-диктаторах. Да ещё, пожалуй, патагонские пампасы, описанные Жюлем Верном в «Детях капитана Гранта». Фолклендская война, гибнущие под ударами «Экзосетов» британские корабли. Гуркхи в пятнистом SAS-овском камуфляже, со страхолюдными кукри в зубах, карабкающиеся на прибрежные скалы Порт-Стэнли. Задорная песенка «Аргентина-Ямайка 5:0», и другая, «Не плачь по мне, Аргентина» – это всё из памяти «Второго», который без следа сгинул в глубинах космоса, словно его и не было никогда ...

И уж конечно, не знал Женька о русских эмигрантах, обосновавшихся в этой южноамериканской стране. Они приезжали сюда несколькими волнами – сначала евреи, обитатели черты оседлости, потом старообрядцы, ищущие тишины и благочестия подальше от православных попов, сезонные работники из крестьян западных губерний Империи. А после Первой Мировой войны и революции этот тоненький ручеек превратился в бурную реку – в Аргентину хлынули офицеры разбитых белых армий, казаки, интеллигенция, напуганные, смертельно уставшие от многолетней смуты люди. Все те, кто не пожелал принять совдепию, не увяз, как десятки тысяч других, в эмигрантских клоаках Стамбула, Берлина и Парижа.

– А вы с нами поедете? – спросил Аст. Свой паспорт он проглядел мельком и тоже запрятал подальше.

– Нет, мне здесь лучше не появляться. – покачал головой

дядя Костя. – Я, Серёжа, отметился в Аргентине ещё во время войны, и позже, в пятидесятых. Мы тогда крепко прижали нацистскую агентуру, да и потом, когда они побежали из Европы, как крысы, тоже не давали им покоя. Слышали об Адольфе Эйхмане?

– Эсесовец, начальник концлагеря? Который евреев истреблял в газовых камерах? Его, вроде после войны поймали и казнили?

– Примерно так. Он ведь тоже сбежал сюда. Израильтяне искали Эйхмана по всему миру, уже отчаялись, решили, что он сам где-нибудь сдох – и вот, в пятьдесят седьмом получают письмо от еврейского эмигранта из Буэнос-Айреса. Этот эмигрант, даром, что был слеп, как крот, услышал от дочери, что её знакомый хвастался тем, что его отец был высоким чином в СС, а после разгрома Германии перебрался в Аргентину по документам Красного Креста. Инвалид знал о поисках Эйхмана – ну и написал в Германию, генеральному прокурору земли Гессен. Так вот, я спрашиваю: неужели ты думаешь, что всё это действительно случайно совпало: и слепой еврей-эмигрант, и болтливый отпрыск беглого нациста и его подружка?

– Так это вы?..

Генерал кивнул.

– А скажите... – Женька замялся. – Про Че Гевару это правда? Ну, что вы знали его ещё до того, как он познакомился с Кастро?

Собеседник удивлённо поднял брови.

– Твой напарник постарался? Вот же балабол...

– Да, это из его памяти. Но вы его не ругайте, дядь Костя, он же не знал, что я почти всё запоминаю...

– Чего уж теперь.... – буркнул генерал. – Но совет тебе. впредь думай, что говорить вслух.

– Да я только спросил... – начал оправдываться Женька, но собеседник пресёк его излишнее нетерпеливым жестом.

– Это, между прочим, не только к тебе относится. Вы двое теперь носители государственных секретов, и дома ещё вас обвешают подписками о неразглашении. Так что, приучайтесь, пока не поздно, держать языки за зубами.

– Это-то понятно... – кивнул Женька. – А всё же, насчёт Че – не расскажете? Мы никому...

– Было дело. – усмехнулся генерал. – В пятьдесят втором году, я тогда как раз занимался беглыми нацистами. И вот, однажды один мой знакомый, из аргентинских коммунистов – он, недавно погиб, попался эскадронам смерти – упомянул о некоем молодом враче. «Присмотрись, говорит, к нему, из парня выйдет толк. Исколесил всю Южную Америку на мотоцикле, увлёкся идеями революции, статейки в журналах пописывает о своих путешествиях...

– Это и был Че? – нетерпеливо спросил Женька. – Вы тогда с ним подружились?

– Не совсем. – генерал покачал головой. – Я только свёл его с нужными людьми, а они уже ему подсказали всё, что

нужно. А по- настоящему мы познакомились уже на Кубе.

Лицо его приобрело мечтательное выражение – старому волку было приятно вспоминать минувшие дни.

– Но запомните, всё это строго между нами! Если хоть слово услышу...

Женька покорно покивал. Что ж тут неясного – государственная тайна. Одна из многих, которыми полон теперь его многострадальный мозг, спасибо за «это наследство *Второму*».

– А всё-таки, дядь Костя, вы теперь куда? Мы с Серёгой в Буэнос-Айрес, это ясно. А вы?..

– Мне в другую сторону. Через Боливию, в Парагвай – и дальше, н Кубу. Только задержимся здесь ненадолго. Расспросим этих лишенцев – чует моё сердце, у них тут много чего припрятано...

И ткнул пальцем в сторону местных жителей, сидящих тесной кучкой в пыли, на площади, под присмотром двух скучающих автоматчиков.

Отойдя от горячки боя, генерал отменил приказ предать селение огню. Вместо этого, он велел обыскать все до единой постройки: вскрыть полы, подвалы, обшарить чердаки, и главное – ещё раз допросить пленников на предмет захо-ронок и тайников. Именно этим и занимались сейчас бойцы Хорхе – и, судя по испуганным воплям и причитаниям, доносящимся из кирхи, обращённой в застенок, старались они вовсю.

– А Миладка? Она вместе с вами поедет?

– Зачем? – удивился генерал. – Её переправят в Ла-Пас, а оттуда – самолётом в Мексику, и дальше, в Штаты. Рождественские каникулы на исходе, пора об учёбе подумать...

Милада, Женькина одноклассница полгода назад уехала с родителями в Израиль. После чего генерал устроил так, чтобы она приняла участие в программе школьного обмена с одной из нью-йоркских школ. И уже оттуда, вместе с путешествующими хиппи, Милада перебралась сначала в Мексику, а потом и в Перу. Особые способности делали её ценнейшим членом группы.

Женька поискал девушку глазами – вот же она, возится возле трофейного фургончика, брата-близнеца их боевого «Фольксвагена Т2», только без яркой раскраски в стиле «детей цветов» и горы туристического скарба на решётчатом багажнике.

– Кстати, и вам пора домой. – добавил генерал. – Надо же доучиться, экзамены, аттестат зрелости, то-сё...

– До экзаменов нам ещё полтора года. – отозвался Женька. Ему было странно думать о том, что надо снова садиться за парты – после всего, что им пришлось пережить...

– А что будете делать с захваченными Десантниками?

При штурме долины в плен попали несколько беглых нацистов, в сознании которым Милада обнаружила инопланетных «подкидышей».

Генерал потерял подбородок.

– Это, знаешь ли, вопрос. – ответил он после недолгой паузы. Оставлять их в Боливии я не хочу – слишком ценные фрукты, надо с ними разобраться в спокойной обстановке...

– В вашем московском подвальчике? – усмехнулся Женька. Он помнил допрос руководителя Десантников-наблюдателей.

– Там, или в другом месте – какая разница? Главное – переправить их как-то на Кубу, а уж там... Ладно, это моя забота, а вы двое – готовьтесь к отъезду. Хорхе, когда думаешь отправляться?

– Сегодня вечером, команданте Коста! – блеснул улыбкой чилиец. – По темноте выберемся на шоссе к Сан-Рамон де ла Нуэва, оттуда километров тридцать до городишки Пичаналь, а дальше шоссе раздваивается. Правая ветка уходит к побережью, по ней можно доехать до Росарио, и дальше, в Буэнос-Айрес.

– Смотри, головой за ребят отвечаешь... – генерал глянул на Хорхе из-под нахмуренных бровей. – Пока не посадишь на судно в Рио – чтоб ни на шаг от них не отходил!

– Помню, помню! – чилиец беспечно махнул рукой. – Всё сделаю, как договорились!

И чем сильнее он уверял собеседника, что волноваться не о чем – тем больше Женьке не хотелось отправляться с чилийцем за тридевять земель, через половину страны, жители которой давным-давно забыли о мире и покое. Наверняка этот авантюрист что-то задумал, и они с ним ещё нахлеба-

II

*«Опять тобой, дорога,
Желанья сожжены.
Нет у меня ни Бога,
Ни черта, ни жены.
Чужим остался Запад,
Восток – не мой восток.
А за спиною запах
Пылающих мостов...»¹*

– распевал Серёга. Женька, унаследовавший от «Второго» неплохое знание КСПшного репертуара пытался подтягивать. Хорхе вторил им обоим, вставляя вместо незнакомых русских слов испанские. А когда спутники, притомившись, замолкали – врубал зажигательные латиноамериканские мелодии на дряхлом японском кассетнике, пристроенном на заднем сидении «Лендровера».

Так они и ехали: справа тянулась высоченная, до небес, снежная стена Анд – её верхушки в предутренней темноте озарили розовые сполохи, ставшие потом, когда небо поголубело, золотыми. Слева тянулись пампасы, бескрайняя рав-

¹ Юрий Кукин, бард.

нина, покрытая ржаво-красной травой, в которой изредка мелькали табунки лошадей и коровьи стада – главное, как объяснял Хорхе, богатство этих земель. Редкие съезды на грунтовки, как правило, перекрывали жиденские изгороди, украшенные покосившимися щитами с обозначением имени собственника и названия землевладения. Путешественникам они не мешали – при желании можно было отодвинуть воротину, сколоченную из двух жердин, и ехать себе дальше.

*«Сегодня вижу завтра
Иначе, чем вчера.
Победа, как расплата,
Зависит от утрат.
Тринадцатым солдатом
Умру, и наплевать Я жить-то не умею,
Не то, что убивать...»*

Шоссе, бескрайнее, от горизонта до горизонта было пустынным – редко-редко проносились обшарпанные фуры и тягачи с решётчатыми прицепами-скотовозками, полными мычащих коров. По утрам в предгорьях прохладно, с Анды тянет холодным ветром. В ближайшем же городишке, через который пролегал их маршрут, ребятам пришлось сменить гардероб: вместо лёгких гаваек они поддели под неизменные армейские куртки рубашки из клетчатой шотландки и нацепили широкополые кожаные шляпы.

*«Повесит эполеты
Оставившись страна,
И к черту амулеты,
И стерты имена.
А мы уходим рано,
Запутавшись в долгах,
С улыбкой д'Артаньяна,
В ковбойских сапогах...»*

Сапоги приобрели в той же лавочке: самые настоящие, ковбойские, с заострёнными носками и высокими каблуками, и тиснёным индейским узором по верху голенища – работа местных ремесленников. Аст, подражая Хорхе, закинул ноги в сапогах на переднюю панель. В «Лендровере» они были втроём, и ещё двое бойцов ехали следом, в обшарпанном пикапчике «Шевроле», нещадно стреляющим глушителем и плюющимся сизой бензиновой гарью. Хорхе велел сложить винтовки и автоматы в ногах и прикрыть чехлами и прочим дорожным барахлом – навстречу нет-нет, да и попадались армейские джипы и грузовички, так что испытывать лишний раз судьбу не стоило. Но пистолеты оставались под рукой, заткнутые за поясные ремни – в этих краях, как пояснил чилиец, мужчина без оружия не считается за такового и никем не воспринимается всерьёз.

*«И, миражом пустыни
Сраженный наповал,*

*Иду, как по трясине,
По чьим-то головам.
Иду, как старый мальчик,
Куда глаза глядят.
Я вовсе не обманщик,
Я – Киплинга солдат...»*

Маленький караван бодро катит вперёд, нежаркое аргентинское солнце давно перевалило полуденную отметку и клонится к закату. Скоро небо зальёт густая чернота, на его бархат высыплют яркие, крупные, как вишни, звёзды и зажётся справа на небосклоне, обозначая направление на Полюс, Южный крест. Ветер с гор посвежеет, и придётся завернуться в накидки-пончо из шерсти лам. Здесь, как объяснял Хорхе, конечно, не юг страны, не Патагония с её студёными ветрами, дующими со стороны ледяного щита Антарктиды, – но и далеко не Перу. Ночи бывают по-настоящему студёными, так что следует хорошенько утеплиться. Скоро они остановятся на ночь в придорожном селении, и там будет всё – и горячий чай, и маисовые лепёшки, и запечённая на углях мраморная говядина с обжаренными в травах ломтиками картофеля. А если «амиго русо» пожелают, игриво подмигнул чилиец – то и податливые девчонки, готовые за пару-тройку песо скрасить вечерок усталому путешественнику.

Дорога. Пампасы. Аргентина.

III

От общества весёлых девиц («с пониженной социальной ответственностью», невпопад подсказала память «Второго») они, конечно, отказались, хотя Женька уловил тень сожаления, мелькнувшую в серёгиных глазах. Ужин, как и сулил Хорхе, были обилен; местные блюда великолепно шли под лучшую в мире приправу в виде зверского голода. Покончив с угощением, они, прихватили пару бутылок пива, блюдо с сушёными кукурузными лепёшками «начос» и тарелочку ядовито-острым соусом, и отправились в свою комнату – тесную, но чистую и уютную клетушку на втором этаже с мансардным окном, из которого, за волнистым морем пампасов проступали снежные цепи Анд.

Багаж, включая Женькину винтовку и Серёгин карабин, был здесь же, в номере. Полчаса на чистку оружия (аргентинская дорожная пыль воистину вездесуща), ребята, наконец, улеглись.

– Ты хоть догадываешься, где они сейчас? Кармен, «Линия Девять» и... ну, ты понимаешь...

Аст избегал прямо упоминать «Второго». В своё время ему было непросто смириться с тем, что в голове школьного друга сидит ещё одно, взрослое сознание. И вот теперь приходилось привыкать заново, к обновлённому Женьке-Бабаю, оставшемуся в одиночестве. От такого у кого угодно крыша

поедет, Серёга ещё неплохо справляется...

Женька лежал, заложив руки за голову, и бездумно смотрел в окно.

– Понятия не имею. Да и откуда мне знать, сам посуди? Мы же не думали, что им придётся отправляться вот так, сразу. Всё случилось очень быстро, он сказал только: «не грусти, может, ещё встретимся» – и ф-фух!

Женька несколько не кривил душой – внезапное отбытие «Второго» вместе с Кармен и их союзником, Десантником с кодовой кличкой «Линия Девять», явилось для всех полнейшим сюрпризом. Как и то, что память «Второго» накрепко отпечаталась в его мозгу. Порой казалось, что напарник ушёл не полностью – часть его сознания засела в укромном уголке сознания и исподволь оттуда наблюдает оттуда...

Но это, конечно, было не так. Он ясно запомнил момент, когда Мыслящий «Второго» покинул его мозг – в сознании словно образовалась огромная каверна, и в неё хлынуло нечто ледяное из космической пустоты. И теперь эту лакуну приходилось заполнять, примерно так же, как «Второй» восстанавливал заблокированные после переноса в прошлое участки памяти.

Он поворочался – рукоятка «Астры-Констебля», лежащего под подушкой, больно впилась в локоть. Женька поморщился и устроился поудобнее.

– Слушай, давай спать, а? Глаза слипаются, мочи нет...

Аст буркнул в ответ в ответ что-то неразборчивое и при-

тих – его, наконец, накрыла усталость этих сумасшедших суток. А сам Женька так и лежал на спине, глядя на клочок тёмно-синего неба, наискось пересечённый раздвоенным рукавом Млечного пути, непривычно ярким для обитателя Северного полушария. Хотелось воспользоваться передышкой и ещё раз обдумать всё то, что произошло за эти сутки.

В открытое окно вливался воздух, напоенный запахами сухих трав, стрекотала какая-то дурная разновидность местного сверчка. И он сам не заметил, как провалился в сон – чёрный, глухой, без сновидений.

IV

Ра-ра-ра-р-р-рах! Ра-ра-ра-р-р-рах! Ра-ра-ра-р-р-рах!

Мексиканский клон западногерманского MG-3 (трофей, взятый в долине Хрустального Черепа) трясся в руках Хорхе. Длинные очереди, выпущенные с убийственной, в три десятка метров дистанции, пропороли кабину и тупорылый капот. Лишившись управления, грузовик вильнул на ходу, врезался в фонарный столб и запарил пробитым радиатором, а чилиец, злобно ослабившись, продолжал поливать огнём брезентовый тент. С заднего борта выпрыгивали, отталкивая один другого, солдаты в хаки, с тремя буквами «А» на белых нарукавных повязках – и валились, скошенные в упор струями свинца, извергнутыми потомком «костореза». Катались по асфальту, бились, разбрасывая каски и длинные

американские винтовки, пока не затихали в лужах собственной крови.

Вторая машина, открытый джип, набитый солдатами, резко, со скрипом резины, свернул, пытаясь объехать расстрелянный грузовик. Женька задержал дыхание, поймал в перекрестье водителя, и когда машина затормозила, чтобы не наехать на катающегося по земле раненого, плавно потянул спуск. Водитель судорожно вытянулся, схватившись за пробитую грудь – и в этот момент джип выехал под кинжальный огонь двоих бойцов Хорхе, засевших за киоском на противоположной стороне улицы. Женька передёрнул затвор и вскинул «Ремингтон» в поисках новой цели. Никого – только ползают по асфальту между колёсами то ли трое, то ли четверо подстреленных «белоповязочников», парит изрешеченный пулями радиатор джипа да трясётся, прижавшись спиной к грузовику, чернявый тип в фуражке и со шнуром аксельбанта на плече. Женька скосил глаза вправо – Хорхе оставил свой MG-3 и вразвалочку шёл к аксельбантоносцу. В руке он держал блестящий «Таурус». Подойдя шага на три, чилиец вскинул револьвер и выстрелил несчастному в лоб – на брезенте расцвела алая клякса, украшенная белёсыми лохмотьями, а дрыгающее ногами тело сползло по борту на залитый кровью асфальт. А Хорхе уже шёл к быющему неподалёку раненому – выстрел, тело выгибается дугой и обмякает. Чилиец тычет его носком башмака, морщится и направляется к следующей жертве – спокойно, деловито,

выполняя привычную, хоть и не слишком приятную работу.

Женька судорожно сглотнул – содержимое желудка неудержимо подкатывалось к горлу. Конечно, это были безжалостные убийцы, палачи с руками, по локоть в крови аргентинских студентов-леваков, сторонников свергнутой Исабель Перон, да просто недовольных, осмелившихся выступить против военной диктатуры генерала Видёлы – но наблюдать, как их спутник хладнокровно, одного за другим, приканчивает беспомощных раненых было выше его сил.

За кустом, где занял позицию Аст, раздались характерные звуки. Женька обернулся – Серёга, согнувшись пополам, извергал остатки обеда на жухлую траву.

Недаром, ох, недаром шевельнулся в Женькиной душе червячок-предупреждение! Недаром звякнул звоночек – заставлял что-то весельчак Хорхе, ухмыляется, прохвост, не до конца посвящает генерала в свои планы...

Пока маленькая колонна ехала через всю страну с запада на восток, от предгорий Анд до провинции Санта-Фе – ничто не предвещало особых неприятностей. В Росарио (они собирались побыстрее проскочить город и заночевать в придорожном мотеле) Хорхе остановился, вышел из «Лендровера» и направился к будке телефона-автомата. Женька настоялся, и, как выяснилось, не напрасно: вернувшись, чилиец объявил, что надо сделать небольшой крюк и забрать одного его знакомого. Сам он при этом выглядел до того встревоженным, что его юным спутникам сразу стало ясно: слу-

чилось что-то серьёзное.

Их опасения сбылись в полной мере. Не успел «знакомый» невысокий мулат с приметным рваным шрамом на левой щеке – занять место в «Лендровере», как из-за угла, заывая клаксонами, вывернули два автомобиля – армейский грузовик с брезентовым тентом, и джип, полный вооружённых солдат. У обеих на бортах красовались коряво наклеенные три буквы «А». Хорхе грязно выругался и ударил по газам, но незваные гости, похоже, того и ожидали – не задерживаясь возле дома «знакомого», они кинулись в погоню.

Последовала гонка со скрипом тормозов, крутыми поворотами, когда «Лендровер» едва не вставал на два колеса, с заполошными трелями полицейских свистков и кидающимися врассыпную из-под колёс пешеходами и бродячими псами, которых в Росарио, как и в любом латиноамериканском городе, было немеряно. В лабиринте окраинных улочек удалось оторваться на пару кварталов, и Хосе, свернув в очередной переулок, посигналил следующему позади пикапу и загнал машину в палисадник. И когда преследователи в свою очередь, свернули в переулок – то угодили в настоящий огненный мешок. На то, чтобы напиговать свинцом полтора десятка солдат с офицерами ушло не более пятнадцати секунд, и ещё столько же потребовалось Хорхе и его бойцам, чтобы убедиться: работа сделана хорошо, преследователи, все до одного, отчитываются в земных прегрешениях у врат Чистилища – или что там полагается добрым като-

ликам?

Физиономия Хорхе, когда он вернулся за руль «Лендровера», была виноватой и даже смущённой – если, конечно, эту неповторимую смесь веселья, самоуверенности и досады можно было принять за смущение. Выяснилось, что «знакомый» (после стычки он пересел в «Шеви») – лидер одной из марксистских революционных ячеек, действительно, старый боевой товарищ Хорхе ещё по событиям чилийского путча семьдесят третьего года. Последние полгода он скрывался, преследуемый «эскадронами смерти», несколько раз пытался покинуть страну, но безуспешно. И вот застрял в Росарио без связи со сторонниками, без денег, с последней надеждой в виде пистолета в кармане. К счастью, успел дал телеграмму до востребования в Лиму, где её и получил Хорхе. Оставить старого боевого товарища без помощи было немыслимо, и пришлось чилийцу действовать на свой страх и риск – генерал и слушать бы не захотел о том, чтобы ставить под удар ответственнейшую операцию. По прибытии в Росарио, он позвонил на одну из уцелевших конспиративных квартир и – о, удача! – попал на своего друга. Дальнейшие события развивались, словно в кинобоевике: погоня, перестрелка, и вот их маленький конвой уже катит по шоссе на восток, в сторону Атлантического побережья.

– В Буэнос-Айрес соваться нельзя. – объявил Хорхе, закончив объяснения. – Нас будут искать по всем дорогам – половины пути не проедем, попадёмся. Сейчас свернём с шос-

се, доберёмся просёлками до берега реки. Там избавимся от машин, раздобудем лодки у рыбаков – и вниз по течению. На реке никому не придёт в голову нас искать. Суток не пройдёт, как мы будем в Уругвае – наймём на побережье рыболовную шхуну и в Бразилию. В Рио частенько захотят советские суда, мои друзья помогут переправить вас на борт.

Звучало, вроде, толково. Парáна Гуáсу, вторая по размерам после Амазонки река континента, пропетляв около сотни миль от Росарио к океану, пересекала уругвайскую границу. Берега её покрыты лесом, масса мелких островков, проток – без вертолётов или крупной операции с привлечением десятков катеров и моторок беглецов не найти, а в сопредельном государстве «белоповязочники», бойцы «Alianza Anticomunista Argentina»² их не достанут.

– Только уж вы, амигос... – чилиец просительно поглядел на спутников. – Не надо рассказывать команданте Коста об этой истории, хорошо? Он всё равно узнает, но не хотелось бы попасть под горячую руку...

Ребята переглянулись, Женька неуверенно пожал плечами и кивнул. Пусть дядя Костя сам разбирается со своим чересчур инициативным помощником. Главное – добраться до Бразилии, а там, на пароход и домой!

– Вот и хорошо! – Хорхе повеселел. Тогда, возьмите, компаньеро Эугенито, и помните, что на этом континенте у вас

² Организация «Антикоммунистический Альянс Аргентины», «эскадроны смерти».

есть верные друзья!

И протянул мальчику светло-коричневую замшевую кобуру. Женька щёлкнул застёжкой и обомлел: «Люгер» Р8», подлинная огнестрельная легенда. Изогнутая рукоять так и просится в ладонь; на щёчках чёрного дерева, инкрустированных серебряными дубовыми листьями – орёл, сжимающий в когтях венки со свастикой и серебряная табличка с готическими буквами.

– Из долины. – пояснил Хорхе. – Отобрал у одного из тех наци, которых генерал забрал с собой.

Аст, вытянув шею, рассматривал подарок через Женькино плечо и завистливо цокал языком. Раритет – и владел им не просто беглый эсесовец, а самый настоящий Пришелец из космоса...

Хорхе поймал завистливый Серёгин взгляд, ухмыльнулся и извлёк из кобуры «Таурус» – большой, с длинным стволом, сверкающий на аргентинском солнце потёртым хромированием – и вручил мальчику.

– А это вам, амиго Серхио!

И добавил, сверкнув обычной жизнерадостной улыбкой:

– Владейте, компаньерос! На добрую память.

V

«Далека дорога твоя,

*Далека, дика и пустынна.
Эта даль и глушь не для слабых душ,
Далека дорога твоя...»*

Шкипер недоумённо косился на пассажиров – типичных «нортамерикано», если судить по внешности и английским словам, которые они то и дело вставляли в испанские фразы. А вот поют они на каком-то другом языке, незнакомом. Хотя – эти двое из Аргентины, а там каких только чужаков нет...

Странная парочка, вместе с ещё одним попутчиком, мулатом с рваной щекой и настороженными бегающими глазами (уж этот-то наверняка местный!) погрузились на шхуну в рыбацком городишке Мартин-Чоко, стоящем в устье реки Уругвай. Владелец «Санта Моники» редко не брал пассажиров, да ещё до самого Рио – но за этих просили серьёзные люди, связанные с местной ячейкой Тупамáрос³, и отказать им он, конечно же, не посмел.

Когда шхуна проходила траверз Монтевидео, готовясь покинуть эстуарий Ла-Платы, их догнал патрульный катер и поднял сигнал, требуя лечь в дрейф. Шкипер встревожился: кто знает, что за подвиги числятся за этой насквозь подозрительной троицей? Увидев за поясом у долговязого «нортамерикано» блестящий револьвер, он и вовсе облился холодным потом и стал шептать молитву святой блаженной До-

³ (исп.) Tupamaros, Movimiento de Liberación Nacional – Движение национального освобождения, уругвайские левые радикалы.

лорес Агиар-Мёлла и Диас. Но обошлось: катерок приблизился, требовательно вякнул сиреной и встал со шхуной борт о борт. Уругвайский офицер в форменных белых шортах и рубашке с короткими рукавами пролистал паспорта пассажиров, задал шкиперу пару вопросов насчёт места назначения и небрежно козырнул – «следуйте своим курсом». На револьвер долговязого ни он, ни старшина Береговой Охраны, лениво наблюдавший за происходящим облокотившись на зачехлённый пулемёт, не обратили ни малейшего внимания.

Мулат после этого убрался в каютку, откуда не показывался до конца рейса, а оба «нортамериканос» – или кто они там на самом деле? – устроились на палубе с большой, оплетённой тростником бутылкой пива и подносом снеди, позаимствованной на камбузе и продолжили свой концерт.

*«О, прерия, прерия – великая даль,
Индийские перья, английская сталь,
Тяжёлая плата, смешная цена,
Тут главное ильня была бы цела.
И, конечно, мне дорого где-то,
То на что эта ильня надета.
Вот такие дела...»*

Женька выводил припев песенки из «Человека с бульвара Капуцинов», и спутник с удовольствием ему подпевал – даром, что до выхода фильма на экраны оставалось ещё лет

восемь. Окружающая обстановка соответствовала – прерию, правда, заменяла бескрайняя равнина Атлантики, зато шляпы те самые, кожаные, купленные в крошечном аргентинском городишке в предгорьях Анд.

*Быстро едешь – раньше помрешь
Тише едешь – вряд ли доедешь.
Так живи, не трусь, будь что будет пусть
А что будет – дальше поймешь...*

От пистолетов, полученных ещё в Перу, ребята избавились – их номера засветились в полицейских лицензиях, и Хорхе посоветовал лишний раз не рисковать. Так что оба «Констебля» отправились за борт, а вот подарки чилийца решено было как-нибудь исхитриться и протащить на борт советского судна. Надежда на то, что таможеню проходить не понадобится – вряд ли бразильские друзья Хорхе будут действовать по официальным каналам...

«Вот круг и замкнулся... – думал Женька. – Снова Рио, снова статуя Христа-Искупителя в утренней дымке над бухтой. Их судно океанский турбоход «Металлург Аносов», элегантный красавец, с плавно выгнутым силуэтом, – неторопливо ползёт прочь из бухты, попутно разгоняя гудками моторные лодки, рыбацкие шхуны и прочую водоплавающую мелочь. На корме плещется на ветру красный флаг с серпом и молотом, скошенный форштевень с шуршанием режет воду. Они с Астом стоят на полубаке и любуются стайкой дель-

финов, сопровождающих судно.

Солнце ярко играло на мелкой волне, и в облаке брызг ходового буруна то и дело мелькали крошечные радуги. Атлантика встретила ребят великолепной погодой, тёплым бризом со стороны экватора. «Металлург Аносов» возвращался в Одессу с грузом кофе, каучука и ценных пород дерева – на ум Женьке пришёл капитан Грэй, выбиравший для своего «Секрета» такие же благородные грузы. Хотя, вряд ли Черноморское морское пароходство руководствуется столь же романтическими соображениями...

– А ты знаешь, что «Аносов» перевозил ядерные ракеты на Кубу?

– Ракеты? – невнятно отозвался Аст. – Какие ещё ракеты?

Рот его был занят огромным бутербродом – ломоть нарезного белого батона, сливочное масло и толстые кружки колбасы «Докторская». Этими деликатесами их снабдила судовая буфетчица Марина. Женька невольно сглотнул.

– Эх ты, неужели не слышал о Карибском кризисе? «Аносов» один из транспортов, прорывавших американскую блокаду во время операции «Анадырь». Дядя Костя рассказывал – он тогда был на Кубе, служил в резидентуре КГБ.

Аст насупился. Он терпеть не мог, когда старый друг брал такой покровительственный тон. Тем более теперь, когда его великовозрастный двойник растворился в глубинах Космоса.

– Чем упрекать – лучше рассказал бы, в школе этого не

проходят, да и в книжках особо не пишут.

— Ладно, забудь... — отмахнулся Женька. Ему стало неловко за своё невольное хвастовство. — В смысле, расскажу конечно, если захочешь. Потом. Лучше скажи, ты газеты видел? «Правду», «Известия»?

Как и на всяком советском судне, на «Аносове» имелась Ленинская комната, и Женька с удивлением обнаружил там советские газеты трёхдневной давности — их получили в Рио, в консульском отделе посольства, куда она доставлялась самолётом прямым из Союза.

Серёга рассеянно кивнул — его внимание по-прежнему занимали остатки бутерброда.

— Обратил внимание, что нет ни слова о вводе войск в Афганистан? А ведь должны были ещё двадцать пятого декабря...

— Кажется, что-то было о группе военных советников. — сообщил Аст, оторвавшись от ланча. — Может, это они и есть?

Женька покачал головой.

— Нет, это другое дело. В тот раз целые дивизии входили, и через перевал, и самолётами, на кабульский аэродром. А тут — всего пара десятков человек, по личной просьбе президента Тарáки. А ему, между прочим, уже два месяца, как полагалось кормить червей!

— Думаешь, работа генерала?

— Больше некому. Я... мы со «Вторым» ему всё рассказа-

ли: и про смещение и убийство Тараки, и про Амина, и про ввод «ограниченного контингента». И вот, пожалуйста: Тараки жив-здоров, по-прежнему у власти, Амин погиб в авиакатастрофе и никто никуда входить не собирается.

– А ещё что-нибудь ты можешь предсказать? – поинтересовался Аст. – Чтобы такое же важное?

Он осилил бутерброд и, за неимением платка, вытирал губы рукавом.

Женька покачал головой.

– Боюсь, что нет. Понимаешь, история уже изменилась, и многое из того, что мне известно, не произойдёт. Или произойдёт, но как-то не так. Вот, к примеру: в прежней версии событий американцы и ещё несколько стран объявили бойкот Московской Олимпиаде, а сейчас – ни слова о чём-то подобном. Наоборот, сплошные восторги по поводу всемирного праздника спорта, а символику Олимпиады мы с тобой даже в Рио видели. Второй механик мне говорил: он привёз собой горсть значков с олимпийски Мишкой, так бразильцы их расхватывали, как горячие пирожки. Или вот ещё: помнишь, я нашёл в «Правде» заметку о американском губернаторе, которого застукали в постели с секретаршей?

– Угу, было дело. Кажется, в сентябре. И что?

– А то, что я в Рио купил местную газету, так там была статья о праймериз в Штатах, это внутривнутрипартийные выборы, на которых выдвигают кандидатов в президенты. Так вот, Рейгана – это тот самый губернатор – даже в списках не было! А

он, между прочим, должен был объявить «крестовый поход» против СССР!

Ух ты! – Аст удивлённо поднял брови. – И кто теперь вместо него?

– Республиканцы выдвинули Джона Кённалли. Я о нём ничего почти ничего не знаю – вроде, был министром финансов при Никсоне, а до этого губернатором Техаса. Он, кстати, сидел в одной машине с Кеннеди, когда того застрелили в шестьдесят третьем, причём пуля, ранившая президента, попала ему в спину.

– Ну вот, а говоришь – ничего не знаешь...

Женька промолчал, дав себе слово впредь держать язык за зубами.

– Схожу-ка я в буфет... – сказал Аст, вытирая жирные руки о джинсы. – Что-то я не наелся, возьму ещё бутербродик. Тебе захватить?

– Ага. – кивнул Женька. – Я тебя тут подожду. Уходить не хочется, очень уж красиво...

Он проводил Серёгу взглядом – суток не прошло, как он точно так же бегал за тортильями и сэндвичами «чивито» на камбуз шхуны, доставившей их в Рио...

Ртутная рябь океана слепила глаза – стрелки часов подобрались к полудню, и солнце палило вовсю. Женька облокотился на леер и нашёл взглядом давешних дельфинов. Со всем не похожи на привычных черноморских афалин: вместо узкого в форме бутылки, носа – рыло, как у касаток и

белые полосы на боках. Помнится, шкипер-уругваец так и называл их – «белобочками».

Над головой раздался длинный густо-бархатный гудок – «Металлург Аносов» прощался с сопровождающим его бразильским лоцманским катером. Тот тонко свистнул в ответ, отвернул и, прибавив ход, лёг на обратный курс. Женька помахал рулевому- бразильцу шляпой – той самой, кожаной, ковбойской – и удостоился ещё одного свистка.

*«Впереди еще полпути
Позади уже полдороги
Помолись богам, сколько есть их там*

Впереди еще полпути...» – негромко пропел он заключительный куплет песенки. Кажется, это было сто лет назад – а ведь прошло меньше суток с тех пор, как они покинули борт «Санта-Моники».

А вот что ждёт их дальше – ни Женька, ни его спутник, не представляли совершенно. Мало того, и дядя Костя вряд ли мог заглянуть в туманное завтра своим всевидящим генеральским оком или вычислить усилиями аналитиков своего «спецотдела», Ясно одно: самые важные события, те, что определяют и их судьбу, и судьбу всей планеты, ещё впереди.

Глава вторая

I

...пустота – вне времени, вне пространства, вне всего сущего. Одна только пустота...

А потом титанический звездоворот выплюнул захваченные его вращением сознания – так океанский прибой выбрасывает на песок доски разбитого судна. А реальность не заметила этого микроскопического события, одного из мириад и мириад других важных и ничтожных, крохотных и грандиозных, каждое на свой, манер приближающее тепловую смерть Вселенной. Или хотя бы изменение, встряску какой-то её части – пусть и исчезающе малое на фоне бесконечного, миллиардолетнего бега часовых стрелок...

Ш-Шух!

Парья успел отшатнуться в последнюю долю секунды. Острые, зубчатые зубцы пронесли мимо лица, едва не задев кончик носа, волна воздуха обдала щеки.

Ш-шух! Ш-шух!

Противник длинным прыжком переместился в сторону и нанёс ещё два удара. От первого, пришлось уходить, качнув-

шись назад. Второй прилетел обратным махом, в голову – уклониться от него не получалось, и пришлось парировать палицей-макато́й, зажатой в левой руке. При соприкосновении с её древком, режущие пластины, усеивающие кромки макуати́ля произвели снопы лиловых искр – словно дуга трамвайного токосъёмника, скользящая по контактному проводу под окнами квартиры на Войковской.

Парья на миг замер, поражённый неожиданной мыслью. Какая ещё «Войковская»? Что за «токосъёмник» и «контактный провод»?

А противник, тренировочная кукла, с какими упражняются лучшие бойцы касты, не терял времени даром – он продолжил атаку каскадом ударов с обеих рук. Его макуатиль был короче и шире оружия Парьи, а кромки усеивали не прямоугольные, а остроконечные резцы, повторяющие форму зубов хищной рыбы из океанов легендарной планеты-Породины.

«Как вообще драться этими нелепыми штуковинами? Шпагу мне, шпагу! А ещё лучшие, шит-баклер и шотландский палаш, тогда я уделаю прыгучего урода как бог черепаху!...»

Дз-занг!

Зубцы прочертили поперёк грудной клетки полосу острой боли. Парья полетел с ног спиной вперёд – при этом он упустил макату, и та, дробно стуча, укатилась в угол зала. А кукла шагнула вперёд и замерла, широко раскинув руки. На груди часто замигал оранжевый круг – знак окончания учебно-

го поединка.

Что ещё за «шпага»? Что творится в его голове? Проиграть тупой кукле? Такого конфуза с ним не случилось уже десяток циклов...

Что-то происходило. Может, он ещё не проснулся и лежит в своей постели, а малышка Чуи́ки уютно посапывает под боком – она всегда сворачивается калачиком и сбрасывает на пол покрывало...

Нет, быть того не может – он ясно помнил, как встал, поцеловал спящую подругу, понежился немного под жёсткими струями «домашнего дождика». Потом подхватил набедренную повязку и макуатиль, и как был, мокрый, обнажённый, последовал по коридору в тренировочный зал. Попадавшие навстречу люди (члены касты Жнецов, как и они с Чуикисúсо) уступали дорогу, раскланивались, хлопали, широко разводили ладони – знак *«Небесной Реки Ма́йю»*, пожелание удачи. Бойца Парьякаа́ку здесь уважают – кто лучше его отстаивает честь касты в ежемесячных Играх?

«...вы сейчас о чём? Какой ещё Парьякааку? Меня зовут Евгений Абашин, и ни к каким вашим кастам я отношения не имею!»

...Евгений? Абашин? Что за бессмысленный набор звуков, Уку-Па́ча его проглотит?..

«Кто ты такой, парень?»

Я сидел на полу, опершись на стену, и пялился на торчащее посреди зала чучело с парой зубчатых дырнов в расто-

пыренных руках. Грудь его мерно пульсировала оранжевым, приковывая взгляд, подобно маятнику гипнотизёра.

Нечто со мной уже случилось. В тот раз «Линия Де-
вять» отправил мой Мыслящий, преодолев сорокапятilet-
нюю пропасть, слился с сознанием пятнадцатилетнего Жень-
ки Абашина, когда тот, ни о чём не подозревая, упражнялся
в фехтовании на дорожке Дворца Спорта «Динамо»? Вот и
сейчас – я вывалился из *ничто* в самый разгар учебного по-
единка. И тоже сразу пропустил удар! Правда, боль от тон-
кого клинка спортивной сабли не сравниться с тем, которую
произвёл зубчатый дрын...

Быстрая ревизия нового, на это раз без оговорок, чужо-
го тела повергла меня в оторопь. Для начала – я был голый.
Совсем. Если, конечно, не считать густой вязи татуировок
да браслетов на запястьях и лодыжках, скрученных из раз-
ноцветных нитей...

Поперёк груди горел длинный рубец. Отметина макуати-
ля – так называется инструмент, служащий здешним бойцам
вместо мечей и сабель. Довольно нелепое приспособление:
то ли бита для игры в лапту, то ли архаичная штукавина в
виде рубчатой доски с ручкой. Помнится, бабушка когда-то
стирала с помощью точно такой же бельё – наматывала на
круглый валёк, а потом прокатывала на доске.

Кромки макуатиля утыканы острыми зубцами из матери-
ала, похожего на обсидиан. Попадание такими должны были
разорвать грудные мышцы, выворотить наружу обломки рё-

бер. А тут – всего лишь отпечатавшийся на коже рубец, как от удара гимнастической пластиковой палкой.

Кожа. Оказывается, она у меня красная. Точнее, кирпичного цвета, как у индейцев, коренных обитателей Перу и Боливии, на которых я вдоволь насмотрелся во время недавнего путешествия. Под кожей перекачиваются твёрдые, как дерево мускулы – похоже, «реципиент» не только фехтовальщик, но и завзятый культурист-качок.

Зеркало мне, зеркало!

Нету зеркала...»

Ладно, с внешностью разберёмся позже, а пока – имя-то у меня есть? Я обратился к памяти «реципиента» и тут же получил ответ. Это не было диалогом, как с оставшимся на Земле альтер эго – нужная информация просто всплыла в моём сознании.

Оказывается, меня теперь зовут Парьякааку, для друзей и близких – Парья. Имя это – своего рода знак доблести, завоеванный в сотнях ритуальных поединков на этих самых макуатилях. Или на другом оружии, например, на дубинках с изогнутыми в виде вопросительного знака рукоятями или коротких копьях с миндалевидными наконечниками. Настоящий Парьякааку – один из богов *«Народа Реки»*, покровитель воды, шторма, бури, селевых потоков, сходящих с гор. Кроме всего прочего, известен амурными похождениями, в частности – соблазнением богини Чуикисусо, покровительницы девственниц.

«Народ Реки»? Какой ещё Реки? Разве я не на далёкой периферии Солнечной Системы?

Кстати, о богах. Девушка по имени Чуикисусо существует на самом деле, только никакая она не богиня, а подруга Пары, с которой они давно делят ложе и крышу над головой.

Давно – это сколько? Год, два? Подчинённый разум отделяется невнятным упоминанием каких-то циклов, но понять, что это означает, пока не удаётся.

Стоп! Да стоп же! Принятая здесь шкала времени, и даже важнейший вопрос: «а «здесь» – это, собственно, где?» – это всё может подождать. А вот что подождать никак не может: если у «реципиента» имеется постоянная пассия – то не Карменсита ли владеет сейчас её телом? «Линия Девять» собирался отправить нас вдвоём, а значит, такой выбор выглядит вполне логично...

Я торопливо вскочил на ноги и направился к выходу из зала, на ходу закручивая набедренную повязку. За моей спиной мигал оранжевым огоньком тренировочный манекен.

Если судить по недолгой прогулке по коридору – здесь принято ходить частично или даже полностью обнажёнными, независимо от пола и положения в обществе. И всё равно, я был не готов к тому, что случилось, когда я вернулся в своё новое обиталище, небольшую комнату, лишённую окон и мебели – если не считать двуспального лежака у стены. Зато света, неяркого, приглушённого, в избытке казалось, его испускают сами стены, поскольку никаким скрытых ламп я

так и не заметил.

Но мне было не до изучения интерьеров. Открыв дверь, к которой привела меня память Парьи, я оказался лицом к лицу с Чуики – и все фразы, тщательно продуманные по дороге из тренировочного зала, моментально вылетели из головы. Назначение их было самое простое: убедиться, что в теле подруги «реципиента» действительно Кармен, и её сознание там главенствует. Но когда я увидел перед собой меднокожую экзотическую красавицу, одежду которой заменяли узоры татуировок и браслеты на запястьях и лодыжках – все «заготовки» испарились без следа. Как выяснилось, «животные инстинкты» контролирует сознание «законного» владельца тела, а отнюдь не непрошенный гость, будь он хоть трижды комонс. Ментальная мощь – ментальной мощью, а против природы не попрёшь.

Опомнился я уже на ложе – партнёрша оседлала мои бёдра и склонилась так низко, что тёмные, почти чёрные бусинки сосков оказались прямо перед моим лицом. Я пытался ловить их губами, а она упёрлась мне в плечи, прижав плечи жёсткими, как дерево ладошками и энергично двигалась, сопровождая каждый толчок страстными криками и невнятными фразами на испанском и каком-то другом языке. Это была древняя речь «Народа Реки» – подчинённое сознание Парьи подсказало, что на этом языке говорят все жители «Облака». Обитатели же планет пользуются местными наречиями, поскольку далеко не всегда речевые аппа-

раты аборигенов способны издавать нужные звуки. И в теле Чуики действительно находится Кармен – сама подруга Парьи, не может знать ни единого слова по-испански, и уж точно не стала бы называть меня «Эугенито».

Эта утешительная мысль мелькнула и тут же пропала, унесённая горячей волной, пропитанной ароматами незнакомых горьких трав, масла какао и возбуждённого женского тела. Кармен-Чуики изогнулась, обхватила мои бёдра пятками, издала долгий, пронзительный крик, и всё – я сам, комната, «Облако», окружающее нас мироздание, – провалилось в омут мучительно-острого наслаждения.

Первая волна страсти схлынула, оставив после себя теплую нежность и покой. Кармен свернулась калачиком и спряталась у меня под мышкой. Парья подсказал, что Чуики любит лежать так по ночам, но я-то понимал, что девушке сейчас попросту неловко. Не ожидала она от себя (да и от меня тоже) такого поведения – и то, что подчинённое сознание взяло верх, воспользовавшись шоком от переноса, было слабым утешением.

Задумавшись, я провёл пальцем по линиям татуированного узора у неё на плече, стирая капельки пота. Кармен вздрогнула, прижалась сильнее, и я ощутил, как отозвалось моё мужское естество. Так, прочь игривые мысли! Я что, здесь ради банального траха? Для начала надо расслабиться, и постараться усвоить содержимое памяти Парьи, втянуть его разум, растворить в своём сознании. Я избегал этого на

Земле, в отношении моего юного альтер эго – но на это раз всё будет иначе. Сознания и память Парьи – не более, чем полезный ресурс, не освоив который, нечего и мечтать добиться своей цели.

Знать бы ещё, что это за цель такая...

– Думаешь, он сам нас разыщет?

Кармен заворочалась у меня под боком – похоже, постепенно приходила в себя.

– Ты о «Линии Девять»?

Вместо ответа она помотала головой, пытаясь одновременно натянуть на себя простыню. Я отодвинулся, чтобы не мешать этим жалким потугам. Снявши голову...

– Мы до сих пор оглядываемся на книгу. Это там Десантник- Учитель выходит на связь с подростками-засланцами буквально в первые же минуты. Но кто сказал, что с нами будет так же? Откуда вообще уверенность, что «Линия Девять» здесь, чтоб Супай уволок его в свою бездну?

И осёкся – эта фраза исходила не от меня, а от Парьи. Откуда Женьке Абашину знать о демоне-владыке тёмной бездны Уку-Пача?

Ладно, с мифологией будем разбираться потом. Кармен права: я сам неосознанно ожидал чего-то в этом роде: вот-вот из пустоты возникнет полупрозрачный профиль «наставника», и он даст мне какой-нибудь ценный совет. Или, хотя бы намекнёт, что всё развивается по плану, надо только освоиться в новой обстановке, в новых телах...

Кармен села на ложе, не забывая придерживать простыню на груди.

– Но он же обещал найти нас, разве нет?

Обещал? Или нет? Не помню, хоть убейте. В голове – сплошной кавардак. Вроде, припоминается то, что предшествовало переносу – и бой за Долину Хрустального Черепа, удар с воздуха, ранение Карменситы... А вот события суточной давности – как отрезало. Побочные эффекты переноса Мыслящего? Вполне возможно.

– Может, и обещал. Но сейчас, мне кажется, рассчитывать на это не стоит. Мало ли, что могло случиться с ним самим? Скажем, Миладка не справилась, не смогла отправить его вслед за нами?

– Но... как же так? – от растерянности девушка опустила руку, и ткань соскользнула, открывая моему взору прелестную грудь, всю в свежих моих поцелуев. Хе-хе, а ведь неплохо постарался...

Карменсита перехватила мой взгляд, густо покраснела – в сочетании с татуировками и густо-медным цветом кожи это выглядело крайне необычно – и подтянула тонкую ткань выше.

– Как там говорил один умный человек? «Не знаешь, куда идти – иди с народом».

Кармен удивлённо вздёрнула брови – на Кубе, как и по всей Латинской Америке, «маленькая красная книжка» до сих пор весьма популярна.

...что за вздор лезет в голову? При чём тут вообще Председатель Мао?..

— Это я к тому, что раз уж мы получили тайм-аут, то имеет смысл включиться в местную жизнь.

Я изо всех сил старался, чтобы голос мой звучал уверенно.

— ...сама подумай: «Линия Девять» рано или поздно объявится. И какой вид мы будем иметь, если к тому времени не сумеем разобраться в самых элементарных вещах? А то — «Облако» какое-то загадочное, «Река»...

— Чего же тут загадочного? — Кармен выпрямилась. — «Облако» — это место, где обитают «Искры», личности, покинувшие смертные тела. К примеру, мы с тобой сейчас такие «Искры». А «Река» — это звёздная дорога, по которой странствует наш народ многие тысячи лет. Потому он так и называется — «Народ Реки».

Она выговаривала эти слова — «Облако», «Река», «Народ Реки» — с придыханием, и Парья внутри меня поддакивал подруге: «конечно, как же иначе? Речь ведь о первоосновах бытия, и говорить о них по другому — кому это вообще в голову придёт? Разве что немногим безумцам, сознательно поставившим себя вне закона. Но ничего, Облачные Стражи многочисленны и верны своему долгу, а этих несчастных единицы, они обречены на то, чтобы их «Искры» растаяли без следа в тёмной бездне Уку-Пача...

...так, стоп! «Искры», Стражи, какие-то парии, живущие вне закона... нет, надо разобраться во всём этом спокойно,

не торопясь...

Я встал с ложа (Кармен-Чуики отвела глаза и запунцовела ещё сильнее) и направился в дальний угол комнаты, где при моём приближении приветливо зашуршал струйками «домашний дождик». Сперва приведём себя в порядок, и только потом – будем думать о проблемах космического масштаба.

II

Что есть «Майю»? «Небесная Река», грандиозный звёздный рукав, рассекающий надвое небосвод любой планеты в Галактике. И она несёт благословенный народ, подхваченный великим течением нескитанные века назад, когда их праотцы решились покинуть мир- Прародину и пуститься в тысячелетние странствия к чужим звёздам – чтобы сделать их своими.

В сердце любого из «Народа Реки», где бы он ни обитал – на одной из бесчисленных планет, или в благословенной виртуальности «Облаков» – живёт мечта: вернуться однажды на берега священной реки Вильканоче, затерянной в скалах Прародины – реки, которая и есть исток вечного течения «Майю».

*«Мы будем жить с тобой
В маленькой хижине
На берегу очень тихой реки.*

*Никто и никогда, поверь,
Не будет обиженным*

На то, что когда-то покинул пески...» — напевал я. Всегда подозревал, что Бутусов сопричастен к чему-то эдакому — недаром его песня припомнилась мне, когда сознания Парьи и Чуики вывалили на нас с Кармен этот ворох всей этой древней инкской, майянской и ещё невесть чьей чертовщины.

Вот вам и «могучая межзвёздная цивилизация!» Нет, незря мы с генералом до хрипоты спорили о том, что Пришельцами могут двигать и религиозные мотивы...

*«Движения твои
Очень скоро станут плавными,
Походка и жесты — осторожны и легки.
Никто и никогда
Не вспомнит самого главного
У безмятежной и медленной реки...»*

Несчётные века миновали с тех пор, как горстка людей, отколовшихся от соплеменников, живущих в отрогах снежных гор (а может, и изгнанных за какую-то провинность) перебрались через заснеженные перевалы и осели в безымянной долине. И там они нашли нечто, круто изменившее их судьбу — а вместе с нею, и судьбы сотен разумных рас по всей Галактике. Наследие невообразимо древней цивилиза-

ции, предтеч человечества? Или пришельцев со звёзд? Теперь уж не узнаешь.

*«И если когда-нибудь
Случится беда —
Найди верный камень там, где скалы у реки,
Прочти то, что высекла
Холодная вода,
Но ты эту тайну навсегда сбереги...»*

«На земле мы не навсегда — лишь на время» — говорил древний поэт. — *«Даже нефрит дробится. Даже перья Кетсáля рвутся. На земле мы не навсегда — лишь на время».*

И он был прав, сын давно исчезнувшего народа — не настолько, впрочем, давно, чтобы застать следы тех, кто ступил когда-то с берегов горной речки в звёздное течение *«Майю»*. Тайна же так и остаётся тайной: от тех событий сохранились лишь смутные отголоски в коллективной памяти *«Народа Реки»*.

*«На берегу очень дикой реки,
На берегу этой тихой реки
В дебрях чужих у священной воды*

В теплых лесах безымянной реки...» — промурлыкал я припев. Беглецам-изгнанникам невообразимо, космически повезло. Жрецы, изучив находку, открыли соплеменникам

рецепт вечного существования, и теперь их Мыслящие (или «*Искры*», как они их здесь называют), после смерти брэнной оболочки не растворялись без следа в тёмной бездне Уку-Пача, которую современные учёные называют кто пространством, кто антимиром, кто мировым океаном энтропии. Нет, они продолжали существовать в виде обособленных информационно-энергетических сгустков. Мало того: они обрели способность вселяться в тела других разумных существ, подчинять себе их личности. Это и стало главной, сакральной целью «*Народа Реки*»: наделить каждого из своих «покойников» новым телом. Бессмертие – гигантский соблазн, что тут говорить...

Но тут имелась загвоздка: соседи по планете не соглашались на роль безропотных жертв. Это в наши дни способности комонса сохранились лишь у детей до шестнадцати лет, да у немногих счастливиц, вроде меня. А в те допотопные (в буквальном смысле) времена ими обладал чуть ли не каждый второй, и подчинить себе их разумы получалось с трудом. Вскоре соседи возненавидели колдунов, похищающих чужие тела – и стали целенаправленно их истреблять. Так что хочешь – не хочешь, а пришлось «*Народу Реки*» планету-Прародину вместе со своими брэнными оболочками и двинуться к звёздам – благо обрётённые способности позволяли и это.

Они находили миры с разумными обитателями и занимали их тела. Но время шло, у новых хозяев планет рождались

дети, они выросли, жили и, когда приходил срок – умирали, оставляя после себя новые «Искры», так же нуждающихся в телесных оболочках. Получался замкнутый круг, и в поисках выхода из него «Народ Реки» совершил следующий шаг. Они стали создавать своего рода сообщества «Искр» «Облака», своеобразные симуляторы реальности, дающие обитателям ощущение полноценного существования. Подобно хакеру Нео внутри Матрицы, «Искры» живут в «Облаках», ожидая своей очереди выйти в реальный, физический мир для захвата новых планет, каждого из обитателей которых в свою очередь предстоит наделить «Искрой».

В таком «Облаке» и пребываем сейчас мы с Кармен – инопланетные *комонсы*, подчинившие себе двух его законных обитателей.

Впрочем, инопланетные ли? Неудержимое расползание по Галактике продолжалось многие тысячелетия, пока не попала на пути маленькая зелёная планетка, третья по счёту от своего жёлтого солнца. Легендарная Прародина «Народа Реки», предмет грёз любого из обитателей «Облаков». Место, где в ледяных струях священной реки Вильканоче берёт начало звёздное течение «Майю».

Земля.

Контур входной двери пульсировал голубым – знак того, что обитателям жилища скоро пора будет покинуть его и отправиться на работу. А пока время есть, надо привести себя

в порядок – в Зале Жнецов следует соблюдать строжайший (куда там убогой, лишённой фантазии корпоративной этике!) дресс-код. Ещё одно подтверждение родственной связи землян и «*Народа Реки*»: любому понятию из их культуры можно отыскать более или менее подходящий аналог из нашей. Хотя, не всякому очевидно, что деловые костюмы бизнесвумен и крахмальные сорочки офисного планктона играют ту же роль, что бронзовые колпачки с бубенчиками, прикрывающие женские соски, или дополнительные цветные линии и завитки, вплетаемые в узоры татуировок.

Дополнения в «боевую раскраску» Парьи вносила Чуики. Я послушно поворачивался, поднимал и опускал руки, а сам исподволь рассматривал подругу. И отмечал незначительные, но заметные различия: голова непривычно удлинена и слегка вытянута назад, глаза скошены, а переносица начинается выше бровей.

...где-то я это уже читал... Ну, конечно: «Фаэты» Казанцева – писатель именно так описал облик пришельцев с погибшей планеты Фаэтон, вступивших в контакт с древней цивилизацией Южной Америки. Любопытный фактик, в копилку его...

Кармен нанесла на моё плечо последний символ, отошла и остановилась, слегка склонив голову – любовалась выполненной работой. Я крутанулся на месте, демонстрируя подруге плоды её усилий, и потянулся за набедренной повязкой. У нас с Кармен они были ярко-синего цвета, традици-

онного для касты Жнецов, с серебряными каймами, обозначающие ранг. Далеко не последний, кстати – Парьякааку и Чуикисусо стояли на четвёртой сверху из полутора десятков ступеней на лестнице местной иерархии.

Контур двери запульсировал ярче – пора! Чуики поправила на мне повязку, мы вышли и направились по коридору, ведущему в Зал Жнецов.

На ходу я с озирался по сторонам. Чуики когда не видели попадающиеся навстречу люди, пару раз чувствительно ткнула меня локтем в бок – она-то понимала, что любопытство исходит не от Парьи, а от Женьки Абашина, её бестолкового напарника по «спецгруппе».

А вот и зал Жнецов. Мы переступили порог – и замерли в восхищении. Дальняя, прозрачная стена открывала фантастический вид на заполненную мириадами звёзд бархатисто-чёрную бездну. И это великолепие рассекал раздвоенный сияющий рукав – Млечный Путь, величественная звёздная река, именуемая соплеменниками Парьи и Чуики «*Майю*».

Цель «*Майю*» – вечное движение к звёздам.

Песчинки, которые эта вечная река несёт через пространство, и из которых складываются дрейфующие по нему «*Облака*» – это «*Искры*» их обитателей, «*Народа Реки*».

А благословение «*Майю*», энергия, подпитывающая «*Искры*» и вдыхающая жизнь в «*Облака*» – «*Ча*».

Я не зря вспомнил киношедевр братьев Вачовски. Это

действительно «Матрица», только без ульев, в которых киснут в своих капсулах тела-батарейки, и без кальмароподобных машин-убийц. Нематериальная среда, в которой обитают «Искры» тех, чьё тело выработало ресурс. Их существование подпитывается энергией «Ча», которая накапливаются в течение всей жизни в физической оболочке.

Но ресурс этот весьма ограничен, и лишённая подпитки «Искра» рискует раствориться в тёмной бездне Уку-Пача – как растворяются с ней личности прочих носителей разума, чей жизненный путь подошёл к концу. Поэтому «Ча» надо пополнять – благо, те, кто, обитает на поверхности планет, могут делиться ею с лишёнными тел соплеменниками. Но «Искр» в «Облаках» бессчётно, их становится всё больше. Планет же, пригодных для жизни, не так уж много, а те, что есть – способны вместить лишь ограниченное число обитателей. Потому и нужны новые захваты, потому от "Облаков" отпочковываются и расползаются по Галактике их малые копии, с которых высаживаются на обитаемые миры хищнические Десанты – подобно тому, как раковая опухоль распространяет с током крови вредоносные клетки, порождающие губительные метастазы. И если прервать это зловещее расползание – неоткуда станет черпать энергию «Ча» для подпитки мириад и мириад «Искр», заключённых в нереальную реальность «Облаков».

Собирать потоки «Ча», производимые обитателями планет, направлять их в «Облако» – это забота касты Жнецов,

к которой принадлежат Парья и Чуики. Но сейчас «*Ча*» черпать неоткуда. Десант провалился, «*Облако*» висит на далёкой периферии звёздной системы – вот и приходится скрупулёзно учитывать и по крохам распределять «*Ча*», запасённую «*Искрами*» внутри себя..

Обязанность касты Навигаторов – перемещать «*Искры*» между звёздами. Члены касты Воинов (мы с Кармен по привычке называли их Десантниками) первыми высаживаются на планеты с разумными обитателями и готовят их захват. Каста Стражей поддерживает порядок – ведь «*Искры*» обладают всеми свойствами человеческих личностей, а значит, способны порой слететь с нарезки, выкинуть какую-нибудь глупость, даже совершить преступление.

Знающие – те, кто вглядывается в течение «*Майю*», выбирает объекты для нового Вторжения. А в промежутках – изучают и совершенствуют структуру «*Облаков*», создают нематериальные, но весьма эффективные инструменты, позволяющие Навигаторам перемещать «*Искры*», Жнецам – собирать и распределять «*Ча*», а Воинам-Десантникам – захватывать чужие тела. Правят всем этим сложнейшим механизмом Бдящие, немногочисленная группа, состоящая из высших представителей всех каст – правительство этой невозможной, наполовину виртуальной, наполовину реальной цивилизации.

III

Зал Жнецов казался пустым – наверное, из-за его необычной формы. Потолок и стены, за исключением дальней, распахнутой в космос, не образовывали прямых углов, а стыковались плавно изогнутыми поверхностями. И повсюду люди – крошечные мураши на фоне бездны.

А вот и наше с Парьей рабочее место – голубая пульсация панели извещает о скором начале рабочего цикла. Добропорядочному обитателю «Облака» опаздывать не полагается – тем более, если он, как Парья, управляет потоками «Ча», питающими бестелесные структуры «Облака». Это конечно, иллюзия, как и звёздная пропасть за прозрачной стеной зала – трёхмерная модель в невероятно изошрённой компьютерной игре со стопроцентным эффектом присутствия.

Матрица – она и есть Матрица.

Ладошка Чуики-Кармен коснулась моего локтя – оказывается, я замер у входа в зал и рассматривал его, словно ребёнок, впервые попавший в музей с полноразмерными макетами динозавров. Я кивнул и последовал за ней.

Рабочая смена в Зале Жнецов началась.

Пальцы Парьи порхали по барельефу на алтаре. Мне же отводилась роль наблюдателя, взирающего за действиями реципиента из глубины общего сознания, а в действия его

не вмешивающегося. Как тут не вспомнить добрым словом предусмотрительность нашего с Кармен «наставника» не будь этот приём многократно отработан ещё на Земле, я вполне мог наломать сейчас дров. Или, что ещё хуже, привлечь внимание «коллег», неумелым обращением с алтарём-терминалом – массивной каменной тумбой, словно вырастающей из пола.

Её верхняя панель, с выпуклым узором-барельефом оказалась своего рода клавиатурой. Прикосновение к разным элементам активировало ту или иную служебную команду, текущие сведения отображались в голубоватом облачке, повисшем над алтарём – местный аналог компьютерного монитора. Не так уж сильно, выходит, различаются наши цивилизации: если не считать архаичного внешнего вида, всё было организовано как в операционном зале центра управления космическими полётами или, скажем, атомной электростанции.

Поначалу я пытался вникать в манипуляции Парьи, но скоро понял, что так толку не добьюсь. Тогда я доверился навыкам «реципиента», предоставив ему выполнять привычную работу – а сам стал не спеша впитывать сведения о сути процесса. Выходило гораздо лучше, и вскоре я с удовлетворением осознал, что начинаю кое-что понимать.

Это занятие так меня увлекло, что я перестал замечать, что происходит вокруг, и даже перестал бросать взгляды на Чуики, чей алтарь-терминал стоял в десятке шагов от моего.

И лишь уголок панели, требовательно замигавший оранжевым, вернул меня к реальности.

Парью требовало к себе начальство.

Руководитель сектора, в котором трудились Парья и Чуики, занимал вторую сверху ступень в иерархии касты, то есть был одним из полутора десятков избранных заместителей Верховного Жнеца. К такому высокому рангу полагался рабочий алтарь возле прозрачной стены – и не каменный, как у рядовых работников на два-три ранга ниже, а словно отлитый из прозрачного густо-тёмного стекла. Рядом имело место удобное сидалище – высокое начальство трудилось на благо *«Народа Реки»*, не напрягая лишний раз мышцы своих бестелесных ног.

– Жнец четвёртой священной ступени Парьякааку! – бодро отрапортовал Парья. – Прибыл согласно вашему распоряжению!

Добавка «священная» полагалась к ступеням от четвёртой до наивысшей, первой, как и серебряная оторочка набедренных повязок. Ступени с восьмой по пятую ранг носили приставку «лучезарная», к ним следовала бронзовая отделка. Мелочь двенадцатой-девятой ступеней довольствовалась рангом «почтенная» и медными каймами.

Те же, что, прозябал в самом низу иерархической лестницы, обходились вовсе без добавлений – как и без излишеств в одежде. Парья и Чуики редко сталкивались с такими – в *«Облаке»* всяк сверчок знал свой шесток, так что *«Искры»*

его высокопоставленных обитателей имели возможность наслаждаться обществом только близких по статусу. Носителям медных каёмок нечего было делать в Зале Жнецов – не говоря уж простолюдинах, которых и на полёт стрелы не подпустили к этому месту.

– Жнец четвёртой священной ступени Парьякааку к вашим услугам! – снова гаркнул Парья. Мне же немедленно захотелось щёлкнуть каблуками. Увы, от этой идеи пришлось оказаться за неимением таковых – в «Облаке» принято ходить босиком, и мой реципиент в этом смысле не составлял исключения.

Обладатель священной второй ступени наконец изволил обратить внимание на посетителя.

– Мнэ-э-э... Парьякааку, значит? Ты-то мне и нужен. Слышал, ты собираешься порадовать нас выступлением на ближайших Играх? Будешь сражаться как обычно, на макуатилях, или предпочтёшь другое оружие?

«Ещё бы ты не слышал, старый Йази! – усмехнулся про себя Парья. – Да в касте на всех уровнях только об этом и судачат. Как же – межкастовые Игры, важнейшее событие!

«Йази» – это было прозвище начальника. Не слишком почтительное – такое имя носил бог отдыха и лени, и босс Парья удостоился его за неистребимую тягу переваливать свои обязанности на подчинённых.

– На макуатилях, апу. – Парья, почтительно склонил голову. – Если, конечно, на это будет ваше благоволение.

Он с трудом скрывал отвращение к собеседнику: имея возможность как угодно откорректировать свою внешность, тот предпочитал сохранять облик, напоминающий о домашних животных, которые разводят в пищу на одной из планет «Майю». Спасибо хоть, «чистоплотности» этих тварей он не стремится подражать...

Впрочем, в бестелесном мире «Облака» грязи и мусор встречаются нечасто, и даже «домашний дождик» – это не столько обязательная гигиенической процедурой, сколько ещё одно удовольствие. Доступным, кстати, далеко не всем – в общих, на полтора-два десятка особей, жилищах «медных повязок» их и в помине нет...

– А что мне остаётся? – ухмыльнулся в ответ начальник. – Мне не простят, если я решусь навязывать лучшему бойцу касты выбор оружия. Да из меня «Ча» до капли за это высохнут...

Парья почтительно улыбнулся – начальству угодно шутить.

– Напомни, какой предполагается предел «Ча»?

– Четверть от исходного, апу.

Начальник покачал головой.

– Ты всё же постарайся быть осторожнее. На Играх всякое может случиться, а мне не хотелось бы лишиться образцового сотрудника.

Парья пожал плечами.

– Я тоже не жажду растворить свою «Искру» во тьме Уку-

Пача.

– Вот и славно, клянусь священным истоком Вильканоче. – довольно хрюкнул «шеф», и Парья вновь едва успел скрыть гримасу отвращения. – Если понадобится что-нибудь...

– Я обязательно обращусь к вам, апу. И – благодарю за заботу.

– Это моя приятная обязанность. Ладно, иди, работай. Если нужно дополнительно потренироваться – можешь уйти пораньше.

Парья поклонился.

– Спасибо вам, апу. И вот ещё, если позволите...

– Что такое?

Начальник удивлённо вздёрнул бровь – с его точки зрения разговор был закончен. Однако, комонс, обосновавшийся в сознании подчинённого имел на этот счёт своё мнение.

– Вы изволили упомянуть о выборе оружия... Дело в том, что время последней тренировки я обнаружил, что мой макуатиль можно усовершенствовать. Надо только придать боевой кромке и рукояти иную форму, и тогда я смогу...

– Избавь меня от подробностей. – отмахнулся старый Йази. – Тебе, видимо, нужно дополнительное «Ча»?

Парья кивнул, обмирая от собственной наглости – точнее, от наглости незваного гостя, оккупировавшего его сознание. Никакого понятия о почтительности – и как они живут с этим на своей зелёной планетке?..

– Вы, как всегда, прозреваете течение «*Майю*», апу. Да, немного лишнего «*Ча*» мне не помешает. Если бы вы распорядились...

– Распоряжусь. – кивнул начальник. – Иди, займись этими своими... усовершенствованиями.

– Мне показать вам расчёт потребности в «*Ча*», чтобы вы убедились..

– Незачем. – отмахнулся старый Йази. – На Играх всё покажешь. Ты, Парьякааку – лучший боец касты и, стало быть, знаешь, что делать.

Намёк был прозрачен: каста в его лице готова щедро оплачивать подготовку, но не потерпит неудачи.

Похоже, сидящий в его голове чужак на иное и не рассчитывал.

– Лёгкой ряби «*Майю*» вам, апу!

– И тебе лёгкой... – отозвался тот. – Да, и подружку свою можешь забрать. Пусть отдохнёт, чтобы от души ублажить нашего героя. И передай ей лично от меня, чтобы старалась хорошенько! После твоей победы, в которой никто из нас не сомневается, немало девушек захотят разделить с ней эту сладостную ношу. Надеюсь, она не будет против компании на вашем ложе?

И подмигнул – игриво, с похабной усмешечкой.

Парья ответил вымученной улыбкой, склонился ещё ниже и, не разгибая спины, попятился прочь от начальственного алтаря.

Я шагал к нашему с Парьей рабочему месту. В бесплотной груди вскипал самая, что ни на есть, настоящая ярость – этот начальственный боров посмел отпускать грязные намёки в адрес Кармен! Остро захотелось сходить за макуати́лем, вызвать мерзавца на поединок и отправить его "*Искру*" в тёмную бездну Уку-Пача, откуда никто ещё не возвращался...

Увы, всплеск праведного гнева пришлось задавить в зародыше. Во-первых, Облачная Стража бдит, и попытка вызвать на поединок непосредственного начальника, да ещё и на рабочем месте, будет пресечена мгновенно. И тогда в Уку-Пача (откуда, как известно, никто ещё не возвращался) отправимся уже мы с Парьей. А во-вторых, подобный вызов выглядел бы попросту глупо: оргии любой степени разнузданности и с любым количеством участников были здесь почтенной традицией и даже составляли часть многих ритуалов. А вот верность партнёру, выставляемая напоказ Парьей и Чуики, наоборот, вызывает у окружающих недоумение, а то и язвительные насмешки.

Впрочем, к этой их странности давным-давно привыкли. И немного находится желающих нарваться на вызов от лучшего бойца касты. Ведь дуэль – это не схватка на Играх, она ведётся до полного истощения "Ча", и никак иначе.

Задумавшись, я потёр грудь – там, где её пробороздил макуатиль куклы-тренажёра. Значит, мой реципиент – то ли гладиатор, то ли чемпион-поединщик, кумир экзальтированной публики, киснувший в своём виртуальном болоте без ост-

рых ощущений? Что ж, всё правильно: если придётся принять участие в этих Играх, то имеет смысл поднять шансы на победу. И я, кажется, знаю, как это сделать.

Глава третья

I

«Мир полон злых, бездушных людей. – вздыхал Женька, складывая в сумку учебники, тетради и прочий полагающийся всякому советскому школьнику хлам. – Это каким жестоким, каким лишённым чуткости надо быть, чтобы отправить их с Серёгой в школу! После всего, что с ними произошло: после страшного известия о гибели друзей-фехтовальщиков, после путешествия по Южной Америке, заоблачных серпантинов «Дороги Смерти». После «свистящей смерти» над головой, и горячих, остро воняющих порохом винтовок в руках, после пробитых пулями тел соратников...»

Ладно, какой смысл теперь сокрушаться? Совершенно никакого – и в школу идти всё равно придётся, хотя бы для того, чтобы не огорчать родителей. Да и аттестат зрелости, будь он трижды неладен, получать надо. Правда, до этого, как и до экзаменов в ВУЗ (кстати, выбор ещё не сделан!) не меньше полутора лет – половина девятого и весь десятый классы. Но это не значит, что можно бездельничать...

Плавание на «Металлурге Аносове» прошло спокойно. Круг ртутно сияющей под солнцем воды, стайки летучих

рыб в тропиках, залетающие прямо на палубу и беспомощно тыкающие в брезенты, спасательных шлюпок. Коварная попытка боцмана устроить «крещение» по случаю пересечения экватора – пришлось объяснять, что они уже проходили эту процедуру на «Сомове»... Долгие партии в шахматы в кают-компании, кино из трещащего проектора в красном уголке... Ни заходов в порты, ни внеплановых задержек, ни даже шторма завалившего не случилось – в положенный срок турбоход издав протяжный гудок, отшвартовался у стенки Одесского порта. Голенастые краны принялись перекидывать с борта на бетон пирса штабели ящиков и тюков с ценными грузами, пассажиров же (на судне их было около полусотни) ждал таможенный досмотр. Ребята слегка напряглись – меньше всего хотелось объяснять происхождение двух единиц оружия, на которые не имелось ни единой бумажки, объясняющей происхождение этой явственной контрабанды. Но обошлось: под вечер к борту судна подвалил неприметный катерок, пограничники в зелёных фуражках, дежурящие у трапа предупредительно отвернулись, и Женька с Астом, покинув гостеприимную палубу «Аносова», отправились сначала на военный аэродром, а потом, военным же бортом – в Москву, на аэродром в Жуковском. Так и закончилось их путешествие – и начались рутинные будни.

Что там в расписании? Алгебра, будь она трижды неладна, география... Затем НВП – увы, продинамить его не получится. Вот если бы последним, пятым, то Жора наверня-

ка отпустил бы их обоих по домам. Учёных учить – только портить, и военрук это хорошо понимает.

Четвёртым уроком идёт физкультура, и это тоже проблема, хотя и не самая серьёзная. Ну, хорошо, потемневшие под южноамериканским солнцем физиономии ещё можно объяснить продолжительным отдыхом на горнолыжной базе в Баксанском ущелье, но как быть с руками и ногами, ничуть в плане загара не уступающими лицам? Наврать, что ли, про особые методы закаливания в виде катания по горным склонам в одних плавках? А что, мысль – жаль только, не додумались сделать заранее десяток фоток в подмосковной Яхrome, признанной Мекке столичных горнолыжников...

Маета, да и только.

Зато шестой урок – русская литература, глоток свежего воздуха, праздник души. Теперь рядом нет *«Второго»*, но канувший в космические бездны напарник успел заразить его своей привязанностью, как к предмету, так и к учительнице.

Женька открыл учебник. Начало третьей четверти – ого, уже начали изучать Льва Толстого? У *«Второго»* был пункт насчёт «наполеоники», а *«Войну и мир»* он знал по-настоящему хорошо, и кое- что, конечно, осело и в Женькиной памяти.

Будильник на кухне призывно звякнул – пора. За окном танцуют снежинки, такие желанные, такие родные после южноамериканского лета. Куртка на меху, тёмно-синяя, «лёт-

ная», со специальным карманом под пистолет – отцовский подарок на Новый Год. Тёплые военные башмаки – термометр показывает минус двадцать один градус, и лучше утеплиться – неизвестно, сколько придётся ждать автобус на остановке возле метро. Не забыть притянуть к сумке пакет с парой привезённых из Бразилии кроссовок – сменка, куда ж без неё... Проверить, на месте ли ключи – когда он вернётся, родителей не будет дома, и если что, торчать на лестничной клетке придётся до семи вечера. Легонько кольнуло в сердце тоской – уже не позвонишь из автомата Кармен, чтобы та приехала, избавила бестолкового напарника от одиночества. И в школе её больше не будет – яркой, порывистой, в неизменной рубашке «хаки», притягивающей, как магнитом, взоры парней-старшеклассников. Тело внебрачной дочери Команданте Че давно зарыто в буро-красную сухую землю долины Хрустального черепа. А её личность, Мыслящий, душа – назовите, как угодно, суть от этого не меняется – пребывает сейчас в таких далях, что для них и слова-то не подобрать...

Женька отогнал прочь невесёлые мысли и затянул покрепче ремни сумки. Вроде, всё готово. Ну, что – здравствуй, школа?

II

Урок обществоведения начался с политинформации.

Этот скучнейший ритуал не вызывал у Женьки отторжения, как у прочих одноклассников – общение со «*Вторым*» научило его читать между строк, так что, услышав, как Андрюшка Куклин бойко отбарабанил заметку из «Правды» об очередном пленуме ЦК КПСС, он насторожился. В списке членов Президиума вместо министра обороны Устинова там каким-то образом оказался маршал Огарков. А ведь ему, и Женька хорошо это помнил, полагалось быть всего лишь начальником Генерального штаба – до восьмидесяти четвёртого года, когда он будет смещён с должности с понижением. По слухам, из-за скандала со сбитым южнокорейским «Боингом». И уж точно начальнику Генштаба не место в президиуме пленума ЦК – не его это уровень.

Женька с трудом дождался окончания урока и, как только прозвенел звонок, кинулся на первый этаж – там, в рекреации, висели на стендах последние номера «Комсомолки» и «Пионерской Правды». Так и есть: на первой полосе «Комсомолки» большая статья о пленуме. В списке членов Политбюро – «министр обороны СССР, Маршал, герой Советского союза, кавалер ордена Ленина и медали Золотая звезда и прочая и прочая и прочая...»

Выходит, лёд тронулся и в советских верхах? Пропавший Устинов горячо поддерживал ввод войск в Афганистан, против чего резко выступал как раз Огарков, а так же его первый зам, генерал Ахромеев – тот самый, что пустит себе пулю в висок в девяносто первом, не вынеся позора ГКЧП. Значит,

из-за разногласий по Афганистану Устинов и слетел со своей должности? Помнится, «Второй» как раз об этом и беседовал с дядей Костей...

Женька посмотрел на часы. Родительский подарок, верная «Sekonda» всё ещё странствовала по антарктическим морям на «Сомове, и он обходился приобретёнными в Рио электронными «Casio» – дешёвка, ширпотреб, вызывающий, тем не менее, острую зависть одноклассников. До конца учебного дня около часа, а потом можно позвонить генералу. Вот только – что у него спросит? «Дядя Костя, вы что, решили между делом перекроить состав Политбюро, и начали с министра обороны?» А там и до Брежнева дойдёт, пусть отправляется на заслуженную пенсию. Если сумеет слезть с барбитуратов, которыми его сейчас усиленно пичкают доброжелатели из числа «особо приближённых лиц» – глядишь, и протянет лишних годков пять-шесть. Остаётся, правда, вопрос: кого ставить вместо него? Андропова? Вроде бы, логичный выбор, особенно если подлечить его диабет. Хотя – он ведь тоже настаивал на вводе войск в Афганистан, конфликтовал по этому вопросу с Огарковым. И даже заявил, что «мнение начальника Генштаба Политбюро не интересует, задача армии – выполнять поставленную задачу, а не перечесть партийному руководству.

Женька усмехнулся. Если дядя Костя сочтёт нужным, он и сам всё расскажет. А не сочтёт – можно расспрашивать хоть до морковкиного заговенья, всё равно ничего не узнаешь.

Нет уж, с расспросами пока погодим. Генерал знает, что внучатый племянник унаследовал память «Второго» и, следовательно, является единственным источником информации о будущем. Хотя, тогда, на «Амосове», в разговоре с Астом он ничуть не покривил душой: история уже вильнула в своей колее, и отклонения в дальнейшем будут только накапливаться, пока не обесценят всё, что ему известно сейчас. Отставка Устинова и назначение на его пост Огаркова – ярчайший тому пример. И Рейгана не будет в Овальном кабинете – а значит, под вопросом и «крестовый поход против коммунизма», и программа «Звёздных войн» и многое другое. А там и злосчастный южнокорейский «Боинг» не нарвётся на ракету «воздух-воздух» в небе над Сахалином первого сентября восемьдесят третьего года и не рухнет в залив Лаперуза, разом поставив на уши всю мировую политику...

Завершал звонок на шестой урок. Женька оторвался от «Комсомолки» и побежал, перепрыгивая через две ступеньки, на третий этаж, где располагался кабинет литературы.

III

События вскоре вошли в привычную колею. Южная Америка, схватка с беглыми нацистами, бескрайний океанский простор и Южный крест на бархатно-чёрном небосводе – всё это подёрнулось дымкой нереальности, превратилось в воспоминания, когда приятные, когда тревожные, а когда и го-

рестные. Школьная жизнь текла своим чередом. Женька с Астом всё сильнее отдалялись одноклассников демонстрируя непонятное равнодушие ко всему, что их волновало – японским магнитофонам, джинсам, импортным дискам, жевательной резинке и прочим атрибутам красивой жизни. В том числе, и к новомодному увлечению каратэ – на занятиях по рукопашному бою оба узнали достаточно, чтобы не переоценивать японское дрыгоножество.

С одноклассницами дело обстояло иначе. Те женской своей сущностью угадывали в них нечто, отсутствующее в других парнях. То ли чувствовали, что оба успели приобщиться к сладости телесной любви, то ли их привлекал новый облик ребят – загорелых, с перекачивающимися мускулами, твёрдыми от мозолей ладонями, короткими, вопреки подростковой моде, стрижками, и неистребимым запахом сгоревшего пороха и оружейного масла, который не вывести никакими шампунями. А ещё – иная манера поведения, полная спокойствия, доброжелательности, уверенности в себе и взрослой снисходительности к школьной мелкоте.

Это грозило стать проблемой: иные одноклассницы успели оформиться в весьма привлекательных барышень, вполне готовых к экспериментам на интимном фронте. Девочки в этом плане взрослеют раньше парней, и раньше их вступают во «взрослую» жизнь.

Пришлось выставить своеобразным щитом между собой и девичьей частью класса Катюшку Клейман. Та давно стала

своего рода «Д'Артаньяном в юбке», добрым другом, с чем, похоже, и смирилась. Женька не раз ловил на себе и Серёге её взгляды – то задумчивые, то полные неподдельной тоски, – и тогда его терзала совесть. Но ничего не поделать: следовало соблюдать заветы «Второго», наложившего «табу» на интимные приключения в школе...

В плане учёбы дела обстояли вполне безоблачно. Казалось бы: изнурительные тренировки на «спецдаче» три раза в неделю, возобновлённые занятия языками (к испанскому и английскому прибавились основы французского), должны съедать все силы без остатка, не оставляя ничего на такую ерунду, как домашние задания. Но нет – новое, взрослое отношение и ко времени вкупе с наследством «Второго», вывели обоих в число лучших учеников класса. Ну, почти: алгебра по-прежнему давалась Женьке с трудом, а вот на уроках английского, НВП, географии, истории и обществоведения его даже спрашивать перестали. Зачем, если заранее известно, что предмет выучен, усвоен и можно с чистой совестью ставить очередную пятёрку?

Аст старался не отставать от друга. Неделя пролетала за неделей; время от времени их навещал дядя Костя – как правило, на «спецдаче». На свет появлялся старый знакомец-самовар, и начинались долгие беседы, во время которых гость старательно избегал того, что волновало Женьку больше всего – перемен в мировой и особенно, внутренней политике. И так оно и продолжалось до середины марта, пока на «спец-

даче» вместе с генералом не объявился Виктор.

IV

Новый «Детектора Десантников» был гораздо меньше ящика размером с ламповую магнитоу, усеянного шкалами и цветными лампочками, с которым Миладка работала в Долине Хрустального Черепа. Модель, ДД-П, как назвал его Виктор, походил на портативный японский магнитофон с четырьмя клавишами, двумя круглыми ручками настройки и пластиной матового стекла там, куда обычно вставляется кассета.

– Тут два режима. – принялся объяснять Виктор. – Можно надеть на голову исследуемому резиновую шапочку с электродами – вот здесь подключается кабель...

Он повернул прибор и продемонстрировал гнездо на боковой панели.

– ...а можно работать дистанционно, на расстоянии до пяти метров. Правда, точность показаний падает примерно втрое.

Женька обратил внимание: хотя Виктора и привезли на веранду в кресле-каталке, на коленях у него лежала трость. Значит, способность ходить постепенно возвращается?

Но спрашивать не стал. Захочет – сам скажет.

Аст провёл пальцем по верхней алюминиевой панели.

– Как вы смогли его разработать? Без схем, без инопла-

нетных образцов...

Виктор усмехнулся и покачал головой.

– Всё-то у вас, ребята, книжка перед глазами. Толковая, не спорю, кое в чём даже пророческая – но мы-то с вами не в книжке, а в реальной жизни! Да, никаких инопланетных схем или самих «Посредников» у нас не было – ну так их вообще в природе нет, все инструменты пришельцев нематериальны. В шестидесятых, когда наш отдел только подступался к проблеме, мы рассуждали просто: чем бы ни были Мыслящие – они в любом случае используют возможности захваченного человеческого мозга. Не магия ведь это, а вполне себе физический процесс, верно? И раз в одном мозгу присутствуют две личности, «родная» и чужака – это не может не отражаться на мозговой активности. А её мы фиксировать умеем, ничего сложного тут нет – слабые электромагнитные поля, дел-то на рыбью ногу... Вопрос лишь в том, чтобы выделились специфические следы деятельности «второго сознания» и научиться целенаправленно их фиксировать. Пленные Десантники у нас были, так что казалось, что остальное только дело техники...

Женька насторожился.

– «Казалось»? Значит, что-то не получилось?

– Десантники тоже не профаны. За тысячи лет своей захватнической деятельности они не в раз сталкивались с попытками обнаружить их аппаратными средствами – и неплохо научились маскироваться. На этом этапе и понадобились

нам комонсы-операторы...

Виктор откашлялся.

– Вот, к примеру: прибор фиксирует аномальную мозговую активность у двух десятков человек. Но это не значит, что у всех в мозгу сидят Десантники! У кого-то физиологическая аномалия, у кого-то признак приближающегося эпилептического припадка, а кто-то вообще гений, и его серые клеточки работают интенсивнее, чем у прочих. Операторы же могут выделить из мозговых сигнатур этих двадцати ту единственную, которая и выдаёт Десантника. И не спрашивайте меня, как это работает. Могут – и всё. На практике мы в этом убедились, а вот теоретическое обоснование пока хромает....

Генерал оторвался от блокнота, где делал по ходу доклада Виктора заметки.

– А если в мозгу будет только Десантник, без подчинённого сознания землянина? Ваш прибор покажет различия?

– Вряд ли. Но тут беспокоиться не о чем – насколько нам известно, обычно они не практикуют подсадок в «чистый» мозг.

– Но в теории такое возможно?

– В теории – да. Проверить мы, как вы понимаете, не сможем – для этого надо сначала научиться извлекать Мыслящих из тел и подсаживать обратно. Правда, имеются кое-какие соображения ...

– Вот как? – сощурился генерал. – Интересно, какие же?

– Есть подозрение, что один из Десантников, которых вы привезли из Латинской Америки, в теле один, без подчинённого сознания. Исследуем. Кстати, для таких случаев нужны лучшие операторы ДД, такие, как Милада. Без них нам с одиночными «подменышами» нам не справиться.

– Ясно... – генерал покрутил в пальцах карандаш. – Вы, кажется, упомянули о двух новых операторов?

– Да. Мы их обнаружили, можно сказать, случайно. Видите ли, у потенциальных кандидатов нередко встречаются и другие... хм... необычные способности – например, механические часы в их присутствии идут неточно. Димка, насколько я помню, вообще часов не носил.

– Это ваш друг, с которым вы обнаружили первое Вторжение?

– Он самый, тот, что погиб в каменоломнях. – ответил Виктор. Черты его лица заострились, сделались жёсткими. – Нам обоим вручили тогда именные часы – так он их, считайте, не надевал. Пробовал, так выходила сплошная маета: то остановятся, то снова пойдут...

– Очень любопытно, надо подумать, как этот использовать. – Генерал снова черкнул в блокноте. – Продолжайте, прошу вас.

– Мы собрали сведения о подростках с такими свойствами среди детей сотрудников Первого Главного Управления. Я их протестировал и отобрал двоих. Но, увы, их возможности оставляют желать лучшего до потенциала Милады им

далеко, а ведь она ещё не раскрылась по- настоящему!

– О Миладе поговорим в другой раз. – генерал сделал нетерпеливый жест. – Что-нибудь ещё?

– Ещё собираемся проверить тех, кто пережил клиническую смерть. Это пока только предположение – уж очень их возвращение к жизни напоминает подселение Мыслящего. Правда, среди подростков людей с таким опытом немного.

Виктор посмотрел на ребят.

– Есть ещё идея. Для этого, собственно, я и попросил вас сегодня собрать...

V

Асфальт Ленинградки, покрытый плотно укатанным снегом, летел под колёса «Нивы». Снежные хлопья косо метались в лучах дальнего света, разбивались о ветровое стекло, и пришлось включать дворники. Снежный выпал в этом году март, студёный...

Аст потянулся к панели, передвинул рычажок печки. Волна горячего воздуха хлынула снизу, на заочеченные ноги.

Женька довольно крикнул и поворочался, устраиваясь поудобнее – день вышел долгий, хлопотный, и теперь, в ласковом тепле его неудержимо клонило в сон.

– И как тебе предложение Виктора? – спросил Аст. Он вёл машину, держа руль с показной небрежностью, одной рукой – привык красоваться перед своей Илзе. Небось, в Боливии,

на «Дороге смерти» таким беспечным не был...

Да и где теперь та Илзе? Серёга как-то намекал, что неплохо бы узнать её новый адрес. Но генерал запретил категорически, и Женька был с ним согласен – что отрезано, то отрезано. И потом, разве мало ли в Москве симпатичных студенток?

– Дело хорошее. – отозвался он. – И, главное, ясно как за него братья. Можно хоть после весенних каникул – чего тянуть-то?

– После весенних не получится. – подумав, заявил Серёга. – Во Дворце запись в кружки и секции только перед началом учебного года. Чв шестом классе хотел поступить в геологический кружок, помню.

– А чего же не поступил? – с интересом осведомился Женька. Эта деталь биографии друга от него ускользнула.

– Опоздал. Мы с мамой туда приехали в самом начале сентября, но приём уже закончился.

Женька задумался. В словах друга был резон. Хотя...

– Надеюсь, для нас правила нарушат, генерал поспособствует. Другой вопрос – откуда кандидатов брать? Так-то они сами во Дворец приходят...

– Может, дать объявление в «Пионерской зорьке»? – предложил Аст. – Как в «Москве-Кассиопее», когда они в Москву подорвались с уроков, услышав кусок радиопередачи о наборе в экипаж «Зари»?

Женька кивнул. Сюжет любимого фильма он помнил на-

изусть.

– Генералу ничего не стоит это организовать, раз уж он одобрил саму мысль. – продолжал Аст. – Нет, в самом деле, поговори...

Идея, выдвинутая Виктором, состояла в том, чтобы создать в Московском Дворце пионеров и школьников на Ленинских Горах, детский Клуб Любителей Фантастики. О движении КЛФ-ов Виктор, как и Женька, узнал, разумеется, от «Второго». Пока эта аббревиатура засветилась только на страницах «Техники Молодёжи», но на дворе уже восьмидесятый год – вот-вот должна возникнуть новосибирская «Амальтея», свердловская «Аэлита», а там и некто Синицын организует первый КЛФ в Москве...

Но не это интересовало Виктора – он предлагал собрать вместе крыло заведомых комонсов, подростков в возрасте от тринадцати до шестнадцати лет, увлечённых фантастикой, и исподволь, в процессе занятий, тестировать их на пригодность в операторы ДД.

На вопрос генерала: «зачем создавать новый клуб, разве мало по всей стране, военно-спортивных кружков и секций, взять хоть всесоюзную игру «Зарница»?» – Виктор ответил, что способности кандидатов определяет не только возраст, а ещё и особый взгляд на мир. Который, судя хотя бы по «Второму», как раз и присущ будущим завсегдатаям КЛФ-ов в большей степени, чем всем прочим. На что ему, кстати, и намекали, когда готовили к заброске.

Женьке идея пришла по душе сразу. Во-первых, он сам до седьмого класса состоял в кружке космонавтики во Дворце – тогда, посмотрев «Москву-Кассиопею» он, подобно многим своим сверстникам, кинулся во Дворец, искать кружок, где готовят будущие экипажи для межзвёздных полётов. А во-вторых, и это, пожалуй, главное – воспоминания «Второго». Гостя из будущего немало связывало с Дворцом – так, несколько будущих его близких друзей сейчас должны заниматься в тамошнем кружке астрономии. Женька ни словом не упомянул об этом на сегодняшнем совещании, но про себя решил твёрдо: они и будут первыми кандидатами.

Тем более, что и название для него уже готово.

Женька проводил задумчивым взглядом промелькнувший в полосах несущегося снега «МАЗ» с тёмно-синей фурой «СовТрансАвто» на прицепе.

– Кстати, заметил, как Виктор на тебя глядел, когда мы прощались?

– Угу. – Аст кивнул. – Пронзительно так, мне даже стало слегка не по себе. Чего это он, как думаешь?

– Кабы знать...

– Да, сам он нипочём не скажет, спрашивай.

– Рано или поздно скажет.

– Думаешь?

– Даже не сомневайся.

Женька поворочался на сиденье – печка старалась вовсю, ноги начинало припекать. Попросить слегка прикрутить? Да

нет, пусть её... – Слушай, а поехали ко мне, на Войковскую? Маме твоей позвоним, предупредим. Переночуешь у меня, я тебе спальник дам, раскладушку. Завтра воскресенье, в школу не идти. Бабушка пироги затеяла, знаешь они у неё какие? Пальчики оближешь... Ну и побеседуем без помех. Есть пара дельных мыслей, надо бы обсудить...

Глава четвёртая

I

– Вот так пойдёт?

Кармен нажала на завиток барельефа, заставив изображение вращаться. Я наклонился к голубоватому облачку, рассматривая результат совместных двухчасовых усилий.

Широкий клинок с тремя долами. Заточка односторонняя, острое узкое, хищное, созданное для того, чтобы колоть, вкладывая в удар вес тела. Эфес-плетёнка надёжно защищает кисть.

– А весит сколько? Если сравнивать с моим макуатилом?

– Тяжелее раза в два с половиной. Можно облегчить, но тогда клинок будет тоньше.

Я кивнул. Модели, создаваемые с помощью энергии «Ча», копируют реальные образцы, и за облегчение клинка придётся заплатить его ослаблением. Но всё равно он будет крепче любого макуатиля – сталь есть сталь, хоть и виртуальная...

В «Облаках» не используют оружие покорённых миров. После захвата очередной планеты любое насилие становится вне закона, а всё, что связано с военной историей, в том числе и холодным оружием аборигенов предаётся забвению

– кому придёт в голову заимствовать что-то у низших существ? И, хотя прямого запрета на «нестандартный» холодняк нет, бойцы на Играх пользуются только оружием легендарной Прародины.

Но ведь то, что не запрещено – то разрешено?

– Пожалуй, на этом можно остановиться. – кивнул я, и пальцы подруги вновь запорхали по завиткам. Они работали не в Зале, а дома – замысел следовало держать в тайне до того момента, когда он появится на Арене. Будущим соперникам незачем знать, что за сюрприз подготовил для них Парьякааку из касты Жнецов.

– Готово!

Кармен оторвалась от панели.

– Можешь взять.

Я протянул руку в голубоватое сияние, окутывающее изображение шотландского палаша. Сомкнул пальцы на рукояти, обрётшей вдруг твёрдость и привычную фактуру, потянул на себя. Рука качнулась вниз под неожиданной тяжестью – Чуики не обманула, «изделие» было раза в два тяжелее макуатиля.

– «Мне снился сон. Я был мечом.

В металл холодный заточен...

– продекламировал я. Привычная тяжесть оружия наполнила меня восторгом. Это вам не деревяшка с осколками

вулканического стекла!

– Смотри, не заиграйся... сновидец! – Кармен и не думала скрывать насмешки. – Если помнишь, у героя в этой книге не всё так радужно сложилось.

*– «...Мне снился сон. Я был мечом.
Взлетая над чужим плечом,
Я равнодушно опускался.
Я был на это обречен...»*

– снова процитировал я стихи из любимой книги, делая несколько махов и кистевых проворотов. – Вот уж не думал, что в лумумбáрии читают Олди!

До того, как влипнуть в историю с инопланетными Пришельцами, Кармен числилась в московском институте Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы. Отличное прикрытие для курсанта спецшколы КГБ. – Где их только не читают... – отозвалась подруга. – И не отвлекайся, у нас мало времени.

Она нажала очередной завиток, облачко над панелью мигнуло и очистилось.

– Продолжим? Что ты там ещё придумал?

II

– Почему они без защиты? Доспехи какие-нибудь, или хоть стёганая куртка, как у наших фехтовальщиков?

Я хотел было пуститься в объяснения – что оружие на самом деле не причиняет вреда телам бойцов, не калечит и рвёт плоть, а лишь отнимает у пострадавшего энергию «Ча». Но тут загудели барабаны и над углами Арены вспыхнули и повисли в воздухе два прозрачных сосуда, доверху наполненные золотистой пылью. Это были указатели уровня «Ча» – ему предстояло падать после каждого удачного попадания.

Поединщики двигались по сужающимся спиральям, угрожающе подняв оружие – огромный двуручный макуатиль у бойца из касты Навигаторов и короткое, в рост владельца, копье *нааб-те* у его противника. Наконечник *нааб-те* – широкий, листовидный, длиной в две ладони – вырезан, как и макуатиль, из твёрдого дерева и усеян по кромкам режущими пластинами. Я пригляделся: сзади за набедренную повязку (чёрный цвет, бронзовая кайма средних ступеней касты Воинов-Десантников) заткнут нож-*хец'наб*, изготовленный из пластины матово-чёрного вулканического стекла. Паря подсказал, этот малый – фаворит схватки, наш вероятный противник в следующем туре.

Первым атаковал Навигатор – его набедренная повязка была ярко- жёлтая, с серебряной каймой. Он издал высокий вопль, подпрыгнул и нанёс удар макуатилем сверху вниз, наискось, целя в ключицу. Достигни он цели – бой на этом и закончился бы.

Десантник не стал парировать – откатился в сторону, ухо-

дя от «боевого весла», в кувырке перехватил копье и ткнул соперника в бедро. Тычок получился несильным, однако Навигатор взвыл и едва не потерял равновесие. Его контрольный сосуд запульсировал, раздался мягкий звон, и струйка золотистых пылинок взвилась вверх и растворилась в воздухе.

Первая кровь.

Я невольно усмехнулся – до того это напоминало старые компьютерные игры-аркады, где запас жизненных сил персонажа отмеривался примерно так же – в виде колбы с содержимым, уровень которого падал после каждого пропущенного удара.

Десантник мягким, кошачьим движением вскочил на ноги, и перешёл в атаку – перехватил нааб-те обеими руками и сделал длинный выпад, целя в грудь Навигатора. И не попал – тот успел уклониться, и острое нааб-те лишь скользнуло по его плечу.

Снова хрустальный звон, снова струйка золотой пыли, тающая под сводами Арены.

Но навигатор не обратил внимания на «рану». Он крутанулся на пятке, снова взвизгнул и нанёс горизонтальный удар уровне груди. Десантник отшатнулся, но обсидиановые зубья успели прочертить по коже багровые борозды. Струйка золотой пыли из второго сосуда подтвердила первый успех его противника.

Навигатор не останавливался – пользуясь инерцией свое-

го оружия, он продолжал атаку широкими, размашистыми ударами, от которых противник уворачивался, уходил нырками, время от времени получая царапины кончиками обсидиановых зубцов. И при этом не забывал каждый раз ткнуть неприятеля своим копьем. Тычки получались слабыми, не каждый даже вызывал струйку золотой пыли – но было видно, что контрольный сосуд Навигатора пустеет гораздо быстрее, чем у соперника. Вот в нём осталось не больше двух третей «Ча»... вот уже половина...

Каждый удачный удар, прыжок, пережат вызывали восторженный или, наоборот, разочарованный рёв трибун. Зрители вскакивали, размахивали руками, кое-где завязывались рукопашные стычки между представителями соперничающих каст – туда спешили Облачные Стражи, изготавливая на ходу короткие дубинки.

За этим гвалтом мало кто мог различить то, что было очевидно Парье. Навигатор совершил ошибку, типичную для не самых опытных бойцов: он позволил себе попасть в ритм грохочущих над Ареной барабанов. Десантник тоже это заметил – и не замедлил воспользоваться. Поначалу он словно исполнял перед Навигатором какой-то странный танец, тоже подчиняющийся грохоту барабанов: взмах-уклонение, взмах-уклонение. И внезапно – сломал этот завораживающий ритм, прыгнул на противника, держа нааб-те перед собой как палку, двумя руками.

Тот не успел среагировать – его макуатиль лишь впустую

рассёк воздух. Толчок серединой древка в грудь, Навигатор отшатывается, теряя равновесие, Десантник ловко прокручивается нааб-те, и усаженный обсидиановыми резцами накопечник с хрустом входит в живот сопернику. Контрольный сосуд взрывается фонтаном «Ча», трибуны издают дружный вопль. Навигатор роняет макуатиль, делает на подкашивающихся ногах два шага назад и валится на песок Арены.

Поединок окончен чистой победой!

Но у победителя на этот счёт оказалось другое мнение. Он отбрасывает в сторону нааб-те и прыгает коленями на грудь своей жертвы. Рука ныряет за спину, чёрная зазубренная пластина хец'наба скользит по горлу. По трибунам проносится потрясённый вздох. В наступившей мёртвой тишине остатки золотой пыли струйкой покидают мерный сосуд, и тот с оглушительным звоном лопается. Победитель словно вскакивает, вскидывает вверх руку с ножом и издаёт горланый вопль. Но взоры зрителей прикованы не к нему, а к телу у его ног – оно тает, теряет телесность, превращается в полупрозрачный контур и, наконец, исчезает. По залу проносится ещё один хоровой вздох – последнее «прости» «Искре» неудачливого бойца, навек канувшей в тёмной бездне Уку-пача.

– Супай его раздери! – вырвалось у меня. Вернее, у Пары – он-то знал имя демона-повелителя тёмной бездны, куда уходят души умерших. – Да этот парень нарочно его добил!

– Ему что-нибудь за это будет? – деловито осведомилась Кармен.

Я покачал головой.

– Подобное не поощряется, но и не запрещено правилами Игр.

– Жаль. Если бы его дисквалифицировали, тебе достался бы другой противник.

Похоже, гибель незадачливого бойца не тронула её совершенно.

Снова загудели барабаны. На Арену вызывалась новая пара поединщиков.

Первый боец – высокий, с ног до головы покрытый густыми татуировками, вооружённый макуатилом и короткой палицей с навершием в виде шара с единственным обсидиановым шипом, красовался в набедренной повязке Стражей – ярко-красной с бронзовой каймой. Второй, коренастый крепыш, усыпанный вместо обычных татуировок крупными пятнами, имитирующими шкуру ягуара, носил цвета Знающих – серебряная кайма высших ступеней терялась на фоне белой ткани, положенной этой касте. Вооружился он так же, как соперник – разве что, макуатиль покороче, да палица напоминала обычный шестопёр из чистого золота. «Как бы золота» – поправил я себя. Здесь всё «как бы» – и металл, и ткань, и вулканическое стекло и человеческая плоть. Реальна только сияющая пыль «Ча» в контрольных сосудах.

Услыхав название палиц – «маката» – Кармен ухмыльнулась.

– Забавно: в странах Латинской Америки «макатами» называют полицейские резиновые дубинки. Вон, оказывается, из какой древности дошло словечко...

Сама схватка меня разочаровала. Бойцы напрыгивали друг на друга, нанося размашистые удары макуатилями, изворачивались, уклонялись, а когда не получалось – отражали макатами, зажатými в левой руке. При каждом соударении сыпались лиловые искры – «как бы обсидиановые» пластины, которыми были утыканы макуатили, вызубривались, выкрашивались не хуже каменных оригиналов. В этом и состоит тактика бойцов, услужливо пояснил Парья: добиться того, чтобы оружие противника изнашивалось раньше, чем твоё собственное.

Так и получилось. «Боевые вёсла» быстро лишились обсидиановых кромок, и дальше поединщики молотили друг друга чем попало. Под конец боец-Страж отбросил бесполезную деревяшку, высоко подпрыгнул и с гортанным воплем обрушил «шестопёр» на макушку Знающего. Тот, перехватив свой макуатиль, как копьё, в прыжке изо всех сил воткнул уцелевшие обсидиановые шипы на его торце в грудь противнику. Удары попали в цель – бойцы рухнули, контрольные сосуды издали хрустальный звон, выбросив столбы золотистой пыли.

На том всё и закончилось. Соперники потеряли больше

«Ча», чем дозволялось правилами Игр, и не могли продолжать бой. Судейская коллегия (трое сурового вида мужиков в сложных головных уборах из ярких птичьих перьев), посоветовавшись, засчитала поражение обоим. В дальнейших Играх они участия не примут.

Трибуны разразились возмущёнными воплями и свистом. Болельщики вскакивали со скамей, потрясали кулаками над головой, выкрикивая проклятия судьям и чужой касте. Облачные Стражи кинулись умирять буйанов, в воздухе опять замелькали макаты – простые, деревянные, без шипов или ударных насадок.

Я подхватил Кармен под руку, и мы заторопились к выходу из зала. Бои продолжатся после перерыва, и хотелось отдохнуть от царящих на Арене давки и гвалта.

– Что ж, один финалист определился. – рассуждала на ходу Кармен.

– Тот, из касты Воинов, что прирезал своего соперника.

– Кто бы сомневался! – хмыкнул я. – С самого начала было ясно, что он пройдёт в финал.

– После перерыва тебя ждёт схватка с бойцом из касты Хранителей. О нём ты совсем не беспокоишься?

– Нисколько. Этот парень и так-то не соперник Парье, а уж теперь... Впрочем, сама увидишь. А пока пойдём, проверим – никто ещё не добрался до моего снаряжения? Не хотелось бы испортить почтеннейшей публике сюрприз.

III

Дзан-нг!

Палаш высек сноп голубых искр из кромки макуатиля. «Как бы сталь», столкнувшись с «как бы обсидианом» пострадала гораздо меньше – тем более, что я привычно подставил под удар «сильную» часть клинка, ту, что ближе к рукояти. Ну, останется на ней пара зазубрин, так и что с того? По-настоящему опасные удары наносятся острием и последней четвертью лезвия...

Зрители удивлённо загудели – не привыкли, что боец парирует макуатиль клинком, а под макату подставляет предплечье, обмотанное плотной тканью. Удары получаются весьма чувствительные, но терпимые, а мой сосуд и не думает реагировать на них потерей драгоценной пыли.

Хранитель отскочил и принял боевую стойку, точь-в-точь как тренировочное чучело: на полусогнутых ногах, слегка наклонившись вперёд, с широко разведёнными руками. Боец он был неплохой, и умело использовал отработанный приём: во время схватки ловко перекидывал макуатиль и макату из одной руки в другую. Этот трюк вызывал восторженные вопли на зелёной (цвет касты Хранителей) половине трибун, неизменно сменяющейся вздохом разочарования – я всякий раз парировал удары своим палашом. Он, хоть и вдвое тяжелее макуатиля, но выигрывал в скорости за счёт отличного

баланса. Раза два мы сходились грудь-в-грудь, и тогда я наносил сопернику удар эфесом с лица, словно кастетом – не смертельный, но его хватало, чтобы сосуд соперника извергал тонкую струйку «Ча».

Сам же я пока отделался минимальными потерями. В самом начале боя Хранитель внезапно перешёл в партер – кувырнулся навстречу, и в перекате достал меня зубом макаты по бедру. Сигнальная колба отсалютовала ловкачу фонтанчиком золотой пыли, но на этом его успехи и закончились – пробиться сквозь мою защиту он больше не смог.

Я фехтовал в испанской стойке: ноги расставлены широко по диагонали, левая, обмотанная плащом рука впереди, правая – на уровне плеча. Палаш я держал плашмя, тыльной стороной ладони вверх – из такого положения можно парировать косые и горизонтальные удары, опустив клинок и выполнив отшаг назад с проворотом.

Вот и сейчас – Хранитель испустил гортанный крик и рубанул, целя мне в бок. Я ушёл полу-пируэтом, и встретил макуатиля палашом, производя очередной пиротехнический эффект. Ещё удар – зажатой в левой руке макатой, сверху вниз, в голову.

Полшага назад, взмах левой рукой. Полотнище – ярко-синее, серебряной каймой, цвета высших ступеней касты Жнецов – соскальзывает с предплечья и хлещет навстречу макате. Складки оборачиваются вокруг древка, обсидиановый шип цепляет за ткань. Рывок на себя – Хранитель, чтобы не

потерять равновесия, выпускает рукоять макаты, и она вместе с плащом улетает мне за спину. Противник отпрыгивает, уходя от укола в лицо, а я уже в боевой стойке – только вместо плаща в вытянутой вперёд левой руке хищно поблёскивает дага, длинный фехтовальный кинжал с широкой гардой. Она дожидалась своего часа заткнутой за набедренную повязку – рукоятью влево, как и положено носить кинжал истинному кабальеро.

Трибуны дружно выдыхают. То ли ещё будет...

Задуманного концерта с финтами, переводами и рипостами не получилось. Хранитель, утративший остатки душевного равновесия и здравого смысла решил идти напролом. Он перехватил макуатиль обеими руками и, оглушительно взыв (как же без этого!) обрушил на меня самый незамысловатый из возможных ударов – с замаха из-за спины, целя в макушку.

Принимаю макуатиль на скрещенные клинки, и делаю шаг вперёд, сокращая дистанцию. Хранитель рвёт рукоять на себя, но не тут-то было – «боевое весло» прочно схвачено изогнутым перекрестьем даги. Проворачиваюсь на левой ноге, отвожу руку с палашом – и всаживаю его в диафрагму противника с такой силой, что эфес ударяется в грудную клетку, а клинок выходит из спины.

Хрустальный звон рассыпавшейся в крошево мерной колбы. Фонтан «Ча» весь, без остатка, тающий в воздухе.

...извини, парень, я не хотел. Так получилось...

Трибуны потрясённо молчат. Ещё одна окончательная гибели «Искры» за один-единственный день кастовых Игр – на памяти Парьи такого ещё не случилось.

Я поглядел на лежащее у ног тело – нет, не тело, а пустую виртуальную оболочку. Вот оно дрогнуло, расплылось по краям, потеряло материальность – и растаяло облачком золотистых искорок, как тает огонёк угасающей лучины.

*«...мне снился сон. Я был мечом.
Людей судьёй и палачом.
В короткой жизни человека
Я был последнею свечой...»*

IV

Обычные удовольствия – телесная любовь, вкусная пища и пьянящие напитки, доступны обитателям «Облаков» ничуть не меньше, чем тем, кто живёт в телесных оболочках на поверхностях планет. Но им, коротающим здесь бессмысленно-долгий век, мало одних лишь незамысловатых плотских радостей. Потому и процветают массовые зрелища – например, священная игра в мяч или Игры, на которых сходятся лучшие бойцы каст. Местные обыватели настолько азартны, что без колебаний ставят на победителя малую – а порой, не такую уж и малую! – толику своего «Ча».

Самому же герою достаются награды в виде внимания и восторгов многочисленных поклонниц. Победитель, как известно, получает всё – в том числе и горячую, готовую на всё женскую плоть. Пусть и бесплотную, как и всё остальное в «Облаке».

Вот и сейчас – покидая зал, мы буквально продирались сквозь толпу полуобнажённых, а то и совсем нагих женщин, возбуждённых до последней степени. В какой-то момент я даже испугался, что моя подруга схватит палаш и без затей разгонит прелестниц шлепками плашмя по соблазнительным частям тел...

Но – обошлось, и продолжение вечера протекало уже на ложе. О стеснении более никто не вспоминал, тем более, что согласно местным поверьям, занятия любовью пусть немного, но пополняют личный запас «Ча». А что касается моральных ограничений – кто мы такие, чтобы лезть в чужой монастырь со своим уставом? Наши молодые, полные сил организмы настойчиво требовали встряски после сумасшедшего напряжения – и лучшего способа природа ещё не придумала...

– Слушай, а как вышло, что ты так легко его одолел?

Кармен-Чуики повернулась на бок, приподнялась и положила мне на грудь скрещенные руки, уткнувшись в них подбородком. При этом её полные груди плотно приникли к моему животу, и я едва сдержал сладостный вздох. Тут ведь только начни, и не остановишься – а силы всё-таки стоит по-

беречь...

Я мысленно сосчитал до десяти. Помогло. Кармен нетерпеливо потерла мочку моего уха.

– Ну, во-первых Парья упражнялся в боевых искусствах не меньше прочих, и его навыки сейчас в моём распоряжении. А во вторых... понимаешь, повторилась история Кортеза и ацтеков. Тот парень оказался в плену традиций – приученный пользоваться только таким и никаким другим оружием и только такой, и никакой другой тактикой, он попросту растерялся. За что и пострадал.

Кармен нахмурилась и приподнялась. Я мысленно взвыл – острые локотки болезненно впились мне в грудь.

– Но ведь сделать точно такое же оружие легче лёгкого, было бы «Ча»! Тот, из касты Воинов, присматривался к твоему палашу, я заметила. Не боишься, что завтра он выйдет на Арену с его копией?

Я усмехнулся.

– Представь, что ты дашь человеку, всю жизнь пользовавшемуся, скажем, пращой, ручной пулемёт. Машинка-то хорошая, убойная – но много он им навоюет без подготовки?

– Ну, это дело другое...

– Ровно то же самое. При всём своём опыте, фехтовать такими клинками он не обучен. А для меня это дело, наоборот, привычное. Так что, хотелось бы, конечно – но, боюсь, такого подарка он мне не сделает.

Я осторожно высвободился и сел.

– Кстати, у нас осталось ещё «Ча» из резерва, выделенного на Игры?

Кармен встала к стоящему в углу комнаты малому алтарю. Я с удовольствием разглядывал её крепкие круглые ягодицы, безупречные линии спины и длинные, немыслимо стройные ноги.

Над панелью вспыхнуло и повисло голубое облачко.

– Есть немного. А что тебе нужно?

Я встал, поискал набедренную повязку. Не нашёл. Ну и Супай с ней, обойдусь...

– Есть одна задумка. Хочу подготовить нашему копыеносному другу сюрприз.

IV

Я оказался прав. Мой соперник – его зовут Илья́па, в честь духа-покровителя грома и молний – обезьянничать не стал. На финальный бой он вышел с обычным своим турнирным комплектом – копьё нааб-те и нож хец'наб. Только на этот раз он не засунул нож за набедренную повязку, а держал в левой руке. Разумный ход – при своей лёгкости и поворотливости, копьё позволяет делать глубокие колющие выпады одной рукой, и даже совершать нечто вроде финтов, как фехтовальной рапирой. Правда, серьёзного рубящего и режущего удара им не нанести, разве что слегка поцарапать... Но, как говорится, курочка по зёрнышку клюёт, и даже мелкая

царапина оборачивается потерей «Ча»...

Ильяпа, несомненно, знает все достоинства и недостатки своего оружия. Если верить Парье (а с чего, собственно, не верить? Он не меньше меня заинтересован в победе), копьё и нож – его излюбленное сочетание, и он умеет орудовать им против любого оружия. Против любого – но только не против того, что поджидает его сейчас на противоположном конце Арены.

Да, мы с Кармен постарались на славу! К моему левому предплечью пристёгнута итальянская дуэльная павеза – средних размеров продолговатый щит с глубоким жёлобом по центру, куда вкладывается рука. Из передней кромки торчит три острия: обоюдоострое, длиной около полуметра, и два боковых, загнутых в виде крюков, вдвое короче центрального. Приспособление это, мало пригодное для боя в стеснённом пространстве, траншее, коридоре замка или тесном пехотном строю, даёт массу возможностей в турнирном поединке, когда подвижность бойцов сковывают лишь границы ристалища. В моей богатой реконструкторской и историко-фехтовальной практике я не раз пользовался дуэльными павезами турнирах – и знал, что особенно эффективны они против древкового оружия вроде пик, глеф или, к примеру, алебард.

Комплектом к дуэльной павезе шли палаши и дага, хотя и ценность последней в таком бою сомнительна. Павеза закреплена на предплечье парой ремней и быстро скинуть её,

чтобы выхватить из-за пояса кинжал будет непросто.

Да, этот парень умеет держать удар! При виде невиданного приспособления у Ильяпы едва глаза на лоб не полезли – на густо татуированной кирпично-красного цвета физиономии это смотрелось особенно уморительно. Но он быстро сумел овладеть собой и взмахнул над головой руками, показывая, что готов к бою.

Я повторил его жест, звякнув лезвием палаша по клинку павезы. Зрители разразились приветственными воплями. Ритмично загудели барабаны, вспыхнули мерные сосуды, пока ещё полные золотистой пыли, и мы осторожно, мелкими шажками двинулись навстречу друг другу.

Финальный бой Игр начался.

Тактику я продумал заранее. Так и хотелось крикнуть: «Ай да Парья, ай да сукин сын!» – сведения, полученные от подчинённого разума, сыграли в этом выборе решающую роль.

Итак, мой противник рассчитывает, надеясь на свою подвижность и потрясающую, как у змеи, реакцию, измотать меня мелкими ранениями. А значит, нельзя давать ему этой возможности, отвечая контратакой на любой выпад. И сокращать, сокращать дистанцию! Мне, в отличие от Ильяпы, достаточно единственного шанса – и тогда бой будет завершён одним ударом.

Так оно в итоге и получилось. Наконечник нааб-те скользил по павезе, выщербливался, соударяясь с клинками, но

никак не мог обойти защиту. Несколько раз Ильяпа пытался перейти в ближний бой, прыгал на меня, подкатывался – но всё время напарывался на выставленный клинок. В результате его сосуд с «Ча» опустел почти на треть, я же получил одну-единственную царапину в голень (достал- таки, шустрый мерзавец!), обошедшую мне в неуловимо малую щепотку золотой пыли.

Закончился это цирк предсказуемо: нааб-те, в очередной раз проскрежетав по павезе, угодило в ловушку, Ильяпа рванул древко на себя, но было уже поздно. Взмах палаша – и Десантник, скривившись от боли, отскакивает, оставив застрявшее копьё.

Я сделал шаг назад и помотал левой рукой. Бесполезно – кривые клинки-зубья крепко держат добычу. Я оказался в положении кельтского воина, в чьём щите застрял пилум римского легионера – избавиться от него его не получается, а торчащая полуметровая деревяшка делает щит скорее обузой, нежели защитой. Что стоит противнику перехватить древко и дёрнуть его на себя, выбивая меня из равновесия?

Ещё три шага назад, к краю арены. Стряхнуть павезу с руки, извлечь из-за спины кинжал... Ильяпа наконец, осознал, что остался с одним коротышкой-ножом – и побледнел, насколько это позволяла его кирпично-красная, густо татуированная физиономия.

Я надвигался на него, как тяжёлый танк на скорчившегося в окопе новобранца; лезвие палаша описывало дуги, кин-

жал хищно блеснул в выставленной вперёд руке. Глаза Ильапы забегали туда-сюда в поисках выхода, варианта, крохотной лазейки. Их не было. Несколькими выпадами я загнал соперника в угол, и теперь ему осталось одно – красиво погибнуть на глазах болельщиков.

Взмах палаша, выпад – Десантник в отчаянной попытке спасти своё «Ча», подставляет под удар нож. Сноп голубых искр, общий вздох с трибун. Хец'наб улетает в сторону, а я делаю шаг и касаюсь острием даги гортани неприятеля.

Как там у Теофиля Готье?

*«Змеи гремучей страшно жало,
Но нет лекарства от кинжала...»*

И опять этот парень на высоте! «Десант есть десант», как сказали бы совсем в другое время и на другой планете. Медленно – в самом деле, теперь-то куда спешить? – Ильапа задирает подбородок и с презрительной усмешкой чиркает себя пальцем по кадыку. Победил, имеешь право...

Храбрость заслуживает уважения. Я опускаю острие кинжала к ямочке между ключицами. Трибуны замирают, слышится истерический женский крик, а я резким движением прочерчиваю красную борозду от горла до паха.

Хрустальный звон, золотистое облачко тает в воздухе над горлышком мерного сосуда. Трибуны режут – финальный бой Игр закончен победой по очкам.

Моей победой!

V

Отбившись кое-как от толпы поклонниц, мы заглянули домой, оставили турнирное снаряжение и освежились под струями домашнего дождика. После чего Чуики предложила навестить Большой Звёздный Зал. Парья любил это место и частенько отдыхал там после особенно сложных поединков.

Большой Звёздный Зал был единственным местом в «Облаке», где царила невесомость. Не везде – на узком, полукруглом, шагов в полтораста длиной обзорном балконе, тяжесть присутствовала. А вот за его краем, лишённым даже символического ограждения...

Величественная, полная звёзд пустота, лишённая любых ориентиров. Громадный мыльный пузырь, выдутый во Вселенную. Если оттолкнуться от настила балкона и прыгнуть в пустоту, то будешь лететь, лететь в чёрную бездну, пока не упрёшься в незримую упругую, мягко пружинящую преграду. И тогда надо перевернуться, снова оттолкнуться ногами – и лететь обратно. Случается, кто-то не рассчитает толчка, и тогда зависает в пустоте, не в силах придать телу нужный импульс. Тогда либо незадачливого «летуна» выручают другие отдыхающие, либо помогают дежурящие на мостике Стражи.

Многие приходят сюда не просто полетать или насладить-

ся видами открытого космоса. Здесь играют в мяч или своего рода «салочки», танцуют в невесомости завораживающе красивые танцы и даже предаются любовной. Это никого не шокирует – подобное поведение здесь в порядке вещей.

Одна из парочек как раз и занималась любовью, повиснув в пустоте недалеко от кромки мостика, где стояли мы с Кармен. Я игриво подтолкнул подругу локтем.

– Может, как-нибудь попробуем?

– Дурак! Пошляк!

Она насупилась и отвернулась, а я широко ухмыльнулся – память Парьи тут же продемонстрировала мне картинки развлечений в невесомости, которым предавались они с Чуики.

А Кармен уже думала о другом.

– Скажи, Эугенито, а отсюда видна Земля?

Я едва сдержался.

– Спать нас хочешь? Я – Парья, ты Чуики, и никак иначе. Что до Земли, то отсюда и Солнце-то не очень разглядишь. Так, звёздочка седьмой, кажется, величины.

– Неважно. Где это?

Парья не знает, я – тем более. Так что, выбираю наугад один из участков звёздного неба и тычу в него пальцем. Кармен впивается туда взглядом – даже приподнимается на кончиках пальцев, стремясь хоть чуть-чуть приблизиться к далёкому дому. Я испытываю лёгкий укол совести – может, стоило, честно расписаться в неведении, а потом поискать кого-нибудь поосведомлённее? Вон, шагах в двадцати небо-

сводом любителю парочка Навигаторов с серебряными каймами на одежде. Уж кому знать, как не им...

– Здесь красивая местность.

Я дёрнулся, словно получив шило в мягкое место – и обернулся. Ладонь моя нырнула к поясу, где торчала набедренной повязки рукоять даги.

Невысокий индивид, на ладонь ниже Парьи. Черные с серебром одежды касты Воинов-Десантников. На лице довольная улыбка, в глазах – хитрый прищур.

– «Линия Де...»

Индивид поднёс палец к губам.

– Тише, тише, молодые люди. Позже поговорим, а сейчас я послан к вам с официальной миссией. Вас, уважаемый Парьякаау, и вас, прекрасная Чуикисусо, – он отвесил поклон Кармен, – желает видеть одна высокопоставленная особа.

Глава пятая

I

На «Ленинские горы» ребята поехали на метро. Тоже своего рода ностальгия, причём не столько его собственная, сколько унаследованная от «Второго». Ведь и двух лет не прошло, как Женька катался во Дворец дважды в неделю, и вряд ли он успел соскучиться по широченному, пронизанному с двух сторон дневным светом перрону, и по виду на реку с высоты Метромоста. А так же, по эскалаторной галерее, по которой можно, выйдя на улицу, подняться до самого верха, к шоссе. Помнится, «Второй» упорно называл его «улицей Косыгина», уверяя, что именно так шоссе назовут после кончины председателя Совета Министров, до которой осталось меньше года. Факт, аккуратно занесённый в блокнотик генерала...

Галерея, построенная в виде гигантских лестничных ступеней из стекла и бетона, исправно несла пассажиров вверх и вниз на трёх своих эскалаторных лентах. «Второй» рассказывал, что с закрытием станции метро на ремонт в восемьдесят третьем году её тоже закроют. За сорок последующих лет сооружение сначала лишится стёкол и оборудования, по-

том станет местом сборищ разного рода неформалов, покроется копотью, мусором и уродливой паутиной граффити. И в итоге, будет разобрано до основания, оставив после себя уродливый шрам на лесистом склоне, стыдливо прикрытый покосившимися от времени заборами. И придётся москвичам, отправляющимся на прогулки по Воробьёвым горам, карабкаться по узкой крутой лестнице, проклиная нерасторопность городских властей, так и не нашедших времени и средств на ремонт такого полезного сооружения.

Парой ступенек выше на эскалаторе стояла стайка мальчишек – из-под распахнутых курток и пальто выглядывали у них тёмно-синие, военного образца рубашки с красными галстуками. Женька узнал форму кружка юных космонавтов – он сам два года подряд ходил туда: сидел на семинарах, крутился, натянув лётный костюм с трубками и клапанами, на колёсах-тренажёрах и в решётчатом бочонке центрифуги...

«Юные космонавты» не обращали на случайных попутчиков внимания. Они громко обсуждали, что в после занятий возвращаться лучше не по эскалатору, а по «тропе Ханума́на» – невесть почему названной так крутой дорожке слева от галереи, по которой так весело спускаться летом бегом, перепрыгивая древесные корни, а зимой скатываться кубарем, сидя на сумках и портфелях. Женьке на секунду стало завидно – им-то с Астом несолидно предаваться подобным забавам. Хотя – почему? Шестнадцать лет, самое время

для всяческих головоломных безумств. "Экстрима", как выразился бы *"Второй"*.

Впрочем, чего-чего, а безумств в их жизни хватает и без катания на пятой точке...

Они вошли во Дворец с главного входа, оставили куртки в гардеробе. Полюбовались на плавающих в бассейне рыбин с золотой чешуёй, отблёскивающей в электрическом свете вместе с набросанными на дно монетками. Поднялись на балкон-галерею, идущий вдоль всего главного корпуса, и повернули влево. Там, где в дальнем крыле располагались планетарий и тренажёрные залы кружков юных лётчиков и юных космонавтов. И даже «всамделишный» стенд-стимулятор полёта на Луну – большой, усеянный лампочкам, шкалами и тумблерами. Выглядел стенд до ужаса солидно – если не знать, что электронную начинку из стенда вынули ещё в семьдесят пятом году...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.